

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ОДИН В ПОЛЕ ВОИН

Алекс Орлов
Один в поле воин
Серия «Русский
фантастический боевик»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64820472

Аннотация

«Марк Головин – студент навигаторской школы. Жизнь его нелегка – тяжелая учеба, нехватка денег и отсутствие развлечений. Занимаясь подработкой, Головин случайно потревожил чужие важные секреты и вынужден бежать, спасаясь от преследователей, чтобы вновь оказаться втянутым в войны мафиозных кланов. И снова бегство, одиночество в космосе, битва с пришельцами и удачная эвакуация на трофейном корабле.

На новом месте жизнь стала налаживаться и он, как будто счастлив, но преследователи о нем уже знают – по отслеженной транзакции с платежного чипа.»

Содержание

1	5
2	12
3	19
4	26
5	39
6	43
7	48
8	58
9	68
10	77
11	90
12	104
13	107
14	113
15	122
16	126
18	133
18	135
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Алекс Орлов

Один в поле воин

Они поднялись до площадки, откуда Феликс провёл Головина в отсек с низким бетонным потолком. Пришлось пригибаться.

– Ну вот, Марк, здесь будет твоя позиция, – сказал Феликс, опускаясь на одно колено и ставя на пол патронные коробки.

– Моя позиция?

– Да, твоя позиция. Давай пулемёт.

Приняв у Головина оружие, Феликс пристегнул к нему короб и щёлкнул кнопкой подачи. Пулемёт лязгнул затвором, и на его боковой панели загорелся зелёный огонёк.

– Всё, оружие готово к стрельбе. Предохранитель не нужен, первый выстрел случится после повторного нажатия на спусковой крючок.

– Но, сэр, я...

– Не мельтеши. Лучше слушай инструкции.

1

Грузовые биг-траки тянулись длинной чередой и, казалось, никогда не закончатся. Марк Головин очень нервничал, он ещё никогда не задерживался так надолго после административного часа, поэтому то и дело поглядывал на проводника, который выглядел совершенно невозмутимым и только пожёвывал свою запрещённую жвачку. Возможно, именно поэтому он и был так спокоен.

Марк в который раз подумал, что этот парень вызывает подозрение и глупо было довериться ему, а тем более согласиться на такую сумму. Эти деньги – сорок чачов хакеру и двадцать посреднику, слишком трудно давались Марку, чтобы вот так легко с ними расстаться.

«Надо отменить сделку, – подумал он, – вот сейчас досчитаю до трёх... Нет, лучше до десяти, и скажу – всё отменяется. Всё отменяется!»

– Давай, вперёд! Окно в пятнадцать секунд! – крикнул проводник и так толкнул Марка, что тот едва не упал, споткнувшись о высокий край бетонной полосы.

– Ну, где ты там?! – нетерпеливым тоном позвал проводник, оказавшийся очень проворным. И это очень удивило Марка, у него по физкультурной подготовке было восемьдесят процентов, а на такое в группе тянули лишь двое.

– Да бегу я, бегу! – отозвался он, сердясь на проводника.

Точно ли тот знал, куда бежать, ведь нигде на бетонном желобе, разогретом от многочасовых верениц транспорта, не было видно ни дверей, ни каких-то ниш.

А вдруг он сумасшедший и сейчас из-за поворота выскочит очередной конвой и разотрёт их по горячему бетону?

Головин даже успел представить – сначала колыхание волны воздуха, потом яркий свет лазерных дистанцимеров из-за поворота и нарастающий рёв разгонявшихся в желобе бигтраков. Или они остановятся, заметив препятствие? Правда, для транспорта массой тонн в сорок, а то и все пятьдесят пять, человек чисто технически препятствием вовсе и не является. Так, небольшая помеха, вроде камешка в бампер.

Пока Головин предавался нездоровым фантазиям, проводник уже достиг противоположной стены, приложил к ней самодельный флэш-ключ, и от стены на пару сантиметров отскочил край эксплуатационной дверцы.

Проводник подцепил её руками, резко рванул на себя и позволил первым протиснуться в образовавшийся проём Головину, а сам, сморщившись от напряжения, просочился следом.

Дверь вернулась на магнитную «собачку», и стало совершенно темно, ведь здесь не было даже дежурных фонарей, которые снаружи освещали бетонный желоб.

И тотчас загудел бетон, завибрировали стены, и по трассе, скрипя грузоподъёмными шинами, пошли потоком бигтраки.

– Страшно? – спросил проводник в темноте, и Головин прямо почувствовал, как тот издевательски улыбается.

– Не дрейфь, кадет, мы почти на месте.

С этими словами проводник включил фонарик и пошёл по узкому коридору, стены которого были увешаны пучками кабелей, на которых местами сидели какие-то туннельные обитатели. Но не крысы. Крыс Головин проходил в школе, и они были другими.

Ужас от вида этих странных существ только усиливался пляшущим светом фонарика, который то и дело выхватывал их совершенно неожиданно.

Головин сутулился и старался смотреть только перед собой, на неясный силуэт проводника.

В конце концов, если тот не обращал на этих тварей внимания, значит, они были не опасны.

После пары поворотов, где пришлось тереться о провисшие кабельные пучки, проводник, наконец, остановился и сказал:

– Ну всё, дальше ты сам.

– Куда это сам?

– Да не дрейфь, я же сказал – пришли уже. Вон, видишь красная дверца?

Проводник осветил тусклым фонарем.

– Вроде вижу.

– Вроде на природе. Там надпись – «не входить – опасно».

– Что, реально опасно?

– Реально, если за провода хвататься и пытаться развинтить соединения на трубах.

– Какой дурак будет развинчивать трубы под давлением?

– Находятся и такие, адамиртовые прокладки на чёрном рынке хорошо котируются. Ну, хватит болтать, топай по адресу. Я буду ждать тебя здесь. Потом отдашь мне аванс, а как доставлю на нейтральную точку, отдашь вторую часть.

– Да, я помню.

– Ну, шуруй.

Головин ещё раз взглянул на проводника и кивнул. Тупик с красной дверью выглядел жутковато. А вдруг сейчас этот парень сбежит, бросив его здесь?

«Ты совсем, что ли, дурак, Головин?» – спросил он себя, сердясь за свою всю развивающуюся мнительность. Раньше до учёбы он таким не был.

На петлях двери были видны потёки смазки, значит, кто-то заботился о том, чтобы она не скрипела.

Головин потянул за холодную ручку и, заглянув внутрь, увидел ещё один тупичок, который освещался падающим из-за очередного поворота туннеля светом.

Сделав пару глубоких вдохов, он преодолел последние несколько метров и, выглянув из-за угла, увидел хакера, сидевшего за столом, заставленным разной аппаратурой без корпусов, со внутренностями наружу.

Именно так он себе и представлял убежище человека, бросившего вызов системе.

– Ты кто? – спросил хозяин этой пещеры, поднимаясь с офисного стула.

– Я клиент, – пожал плечами Головин. Хакер выглядел совсем не страшным, не то что проводник со своей криминальной улыбкой и жвачкой, стопудово наркотической.

– Понятно, что не страховой агент. Номер у тебя какой?

– Не знаю, меня сюда привели, – пожал плечами Головин.

– Ладно, что у тебя? – спросил хакер, садясь на место.

– Ботинки.

– Надеюсь, ты их не целиком сюда притащил?

– А надо было целиком разве? – забеспокоился Головин.

Он знал, что функциональная схема и чип находятся в сублиматорах, то есть стельках обуви. Так зачем тащить всё целиком?

– Нет, конечно. Но одно чудо однажды мне так и притащило – целую пару. Но самое смешное – он перепутал и притащил не ту, которую собирался перепрограммировать. Ладно, давай ходики. А то у меня сегодня следом ещё двое придут. Услуга начинает приобретать популярность, а значит, через неделю я подниму цены.

Приняв от Головина пару стелек, упакованных в тонкий пластик, хакер взвесил их в руке, потом положил на платформу, как показалось Головину, похожую на весы, потому что там – на панельке, загорелись какие-то цифры.

«Зачем их взвешивать?» – подумал он, однако хакер выглядел человеком, который знает, что делает.

– Так-так, версия «бэ-цэ-ультрамарин-пятьдесят два-пятнадцать». А прошить её можно только на бу-бу-бу... Или на вот эту... Ага. Тебе какая предпочтительнее – ознакомительная продлённая или постоянка, но без дальнейших обновлений?

– А что дают обновления? Шнурки быстрее самозатягиваются? – уточнил Головин.

– Ага, щас. Могут только мелодии при затяжке поменяться, а вообще, программные обновления компании нужны, чтобы лучше контролировать клиентуру. Отказаться ты не можешь, тебя тогда в этой обуви никуда не пустят, а если поставишь ломанную версию, то через какое-то время может прилететь патч, и залепит твою нелегальщину, и снова потребует установку обновления.

– Прямо хоть босиком ходи... – вздохнул Головин.

– Ну, если тепло и никуда не нужно выбираться, ходи босым. Однако, когда надумаешь приобрести лицензионные шузы, компания накинёт тебе штраф за те месяцы, когда ты не пользовался её услугами.

– Мне эту... Ознакомительную продлённую, – сделал выбор Головин, чтобы только заткнуть хакера, который своей информацией портил ему настроение.

Он и сам знал про все эти подлости обувных монополистов. И ни за что бы не решился на нелегальщину, но хотелось скопить денег на хороший мидивойс вместо старого диспикера, а траты на сопровождение ботинок оказались

наиболее заметными и не обязательными, что ли. И вот он решил их сократить.

2

Через десять минут все манипуляции были закончены, и Головин передал хакеру сорок чачов. На выходе ещё десять пришлось отдать в качестве аванса за работу проводнику.

Тот сунул деньги в карман и зашагал к выходу, подсвечивая себе фонарём и вовсе не заботясь о том, видно ли Головину, куда идти, ведь под ногами валялся всякий мусор: от обрывков оболочек усиленных кабелей до больших кусков грубой штукатурки.

Головину пришлось прибавить ходу, чтобы не отставать.

Перед тем как выйти на желоб, пришлось посидеть ещё минут пятнадцать, ожидая, когда снаружи прекратится гул нескончаемых потоков автоматических мулов.

При этом проводник совсем не смотрел на часы, а только пялился куда-то в тёмный потолок и продолжал с остервенением жевать свою дрянь с какими-то особыми наполнителями, в этом Головин уже не сомневался.

– Внимание, готовность номер один. Здесь перерыв короткий – всего семь секунд. Поэтому шуруй за мной нога в ногу? Понимэ?

– Чего? – переспросил Головин.

– Того. Стартуем!

С этими словами проводник почти что вышиб узкую дверь, и Головин поспешил следом, ободрав ухо о шершавый

край.

– Бегом! – добавил проводник, и Головин помчался что было сил, уже чувствуя, как дрожит под ногами бетонное покрытие от тяжёлой поступи очередного потока грузовых ботов.

Успели вовремя. А сзади завертелись вихри от выхлопных труб парогенераторов.

Головин перевёл дух. Он мог бегать и быстрее, и дольше, но здесь дыхание сбивал страх.

– Ну что, ты в порядке? – спросил проводник, оборачиваясь.

– Да, обошлось, – кивнул Головин.

– Давай скорым шагом, а то у меня сегодня ещё один маршрут остался. Нужно ковать бабло, пока есть такая возможность. Согласен, кадет?

Головин не ответил. Ему хотелось поскорее уже расстаться с этим человеком, отдав ему причитающиеся деньги.

Потянулись длинные грязные заборы, из-за которых виднелись бетонные корпуса давно заброшенных заводов. Пока что эти руины никто не трогал – на землю не было охотников, поскольку ходили слухи о проблемах с экологией в этой бывшей промышленной зоне. И Головин этим слухам верил, поскольку дистрофичные и небольшие корявые деревья, росшие вдоль извивающейся тропинки, говорили о том, что слухи эти имели под собой основу.

Проводник довёл Головина до самого хайтауна и, остано-

вившись на углу, сказал:

– Давай остаток.

Головин передал десять чаксов, и проводник растворился в тени высотного здания.

По улице пронеслась машина полиции, и Головин с запозданием прижался к стене. Засняли или нет? Доказывай потом, что вышел погулять.

Дисциплина в экономической зоне «Каса» была строгой, и в вечернее время следовало выходить лишь в том случае, если имеется чёткий план. Например – сходить на видеопанораму или посетить слэш-бар, чтобы накачаться водородным зельем выше бровей.

Иногда полиция могла остановить жителя зоны и поинтересоваться, куда он идёт и с какой целью. А потом проверить его показания, сравнив с записями многочисленных видеочипов, расставленных по всему городу.

Разумеется, за безобидный обман никто по суду не преследовал, однако все обманы заносились в учётную карточку жителя зоны «Каса», и после того, как набиралось определённое количество штрафных очков, человека из зоны просто выбрасывали. И всё. Никаких истязаний. Иди куда хочешь, садись на любой транспорт из транзитной зоны порта, живи на какие хочешь шиши. С работой за пределами зоны было трудно.

Головин поднялся на крыльцо хайтауна, коснулся ладонью идентификационной панели, и система, секунду поду-

мав, откатила дверь в сторону, давая возможность пройти в тесный холл с выкрашенными синей краской стенами.

Пройдя к лифтам, Головин стал ждать, стараясь не дышать носом.

Он не переносил запах дезинфектора, которым удалялись следы лептонных загрязнений.

До того как попасть в зону «Каса», он о таких загрязнениях и не слыхивал, а тут пожалуйста – проблема, с которой борются.

Он поначалу считал это развлечениями местной зажравшейся публики, о лептонном загрязнении говорили очень часто, как о погоде. А потом однажды, придя после занятий в свою жилую ячейку, с удивлением обнаружил заметные изменения.

Стол другого цвета, не там полочка для плейбуков, напольное покрытие в другой рисунок. Решив, что перепутал комнату, он вышел, вернулся к лифту и, повторив привычный путь, на этот раз оказался именно в том жилище, к которому привык, то есть дома. А когда поделился этим странным случаем с приятелем, с которым они делили жилой блок, тот объяснил, что это и есть эффект накопления лептонного загрязнения, когда идёшь да вдруг и попадаешь в какую-то параллельную реальность. Вроде ты и дома, и в то же время всё вокруг другое.

– Это как сны про детство, – пояснил Фредди, – у тебя бывают сны про детство?

Головин уже не помнил, что ответил тогда на странный вопрос.

– Привет, Марк, – послышалось рядом.

– Привет, Рекс. Откуда такой измученный?

– С фабрики. Сегодня была смена Симмонса, загонял нас, сволочь.

Головин понятливо кивнул. Одно время он тоже подрабатывал на этой фабрике, склеивая пластиковые формы для строительного наполнителя. Автоматизации никакой, только ручной труд.

Позже от подработок пришлось отказаться, ведь после изнуряющих смен приходилось отсыпаться по двое суток, а потом ещё догоняться всякими микстурами, поскольку мысли после дыхания гиперрастворителем, используемым на фабрике, постоянно путались.

А в обстановке этого самого лептонного загрязнения реальность совсем исчезала. Одним словом, большой эффект давала простая экономия средств.

Что-то Головин получал в качестве стипендии от землячества, какие-то деньги присылали родители.

Он перестал покупать палеогалеты и гранулы для еды быстрого приготовления, перейдя на спец-бады, пищевую целлюлозу и бинарные витамины с ферментами.

Из дорогого была только вода, так как всё, что он теперь потреблял, требовало ответственной ферментации, которая происходила в пищеварительной системе лишь при наличии

чистой воды.

Лифт пришлось ждать минуты две, пока не прибыла узкая кабинка без внутренней отделки. Вечерами лифтовая система работала в режиме экономии, и из четырёх кабинок ездил всего одна.

– Через два дня у меня пересдача, а я как под балдой, – пожаловался ещё один знакомый – Фристон, живший на два этажа выше.

Он стоял у стенки кабины, прикрыв глаза.

– Что пересдаёшь?

– Четвёртую систему и её четверичные знаки, – едва слышно пролепетал Фристон, и из-за шума скоростного лифта Головин, скорее, понял, чем услышал сказанное.

– Я сдал со второго раза.

– Без химии?

– Почти. Первая часть с таблицами нормально зашла, а вот эти...

– Либестрации?

– Ага, они самые. Путаная тема. Пришлось закинуться на тридцать чакров.

– Говорят, эта химия приводит ко всяким там рассогласованиям...

Кабина качнулась и встала, индикатор показывал тридцать восьмой этаж.

Створки открылись, и Головин шагнул в лифтовой холл.

– На самом деле, всё в порядке, – сказал он, но Фристон

его фразу не услышал, лязг расшатанных створок заглушил слова Головина.

Он, конечно, бодрился и врал. Ему уже не раз приходилось прибегать к чудо-таблеткам, позволяющим запоминать большое количество информации. Практически до запятой. А хитрые самообучающиеся экзаменационные терминалы быстро понимали, что слушают не знания, а химию, и резали кадетам баллы.

Приходилось применять компиляторы, которые искажали учебный материал так, чтобы он звучал «не по-книжному». Какое-то время экзаменационные терминалы на это велись, кадеты получали высокие баллы, но затем мудрый сервер замечал систему и снова усложнял правила игры.

Кадеты снова бежали к хакерам – своим или дорогим – сторонним, те опять писали новые программы прикрытия «химических знаний». И так всё по кругу.

Вот только с каждым кругом Головин чувствовал на себе последствия действий препаратов – мнительность, депрессивные провалы, ночные кошмары и даже вкусовые галлюцинации. Когда он принимал безвкусные таблетки пищевой целлюлозы, то иногда начинал чувствовать вкус синтетик-персика или синтетик-барбариса.

Когда-то в детстве у него была такая игрушка с волновым имитатором. Нужно было почувствовать вкус и сказать, к какой голографической культуре он относился.

«Это как сны из детства», – вспомнил он слова Фредди.

3

Выйдя из лифта, Головин почти столкнулся с Дугласом, парнем с «чердака». Так называли последний – сорок восьмой этаж – хайтауна.

– Привет, Дуг. Ты к нам?

– Кислород есть? – спросил Дуглас, тревожно сверкнув чёрными глазами.

– Тебе, что ли?

– Соседу.

– Сильно перебрал?

– Не то слово. Сдал два рубежа на чистой химии. Три дня не спал, ждал-ждал, когда вся дрянь выйдет. Но ничего не вышло, и он теперь просто лежит и смотрит в потолок, даже не моргает.

– У меня нет, но у Фредди вроде полбаллона где-то валялось. Только он в долг не даст.

– Деньги у меня имеются!.. – сказал Дуглас и, разжав кулак, продемонстрировал смятые силикаты на десять и двадцать чачков.

– Ну, пошли.

Они подошли к двери в блок, Головин коснулся панели, и механизм замка щёлкнул, но дверь не разблокировал.

– У нас та же хрень, – прокомментировал Дуглас. А Головину пришлось повторить процедуру ещё дважды, прежде

чем замок всё же сработал.

– Подожди здесь, я сейчас вынесу.

Головин вошёл в блок и сразу заглянул к соседу.

– А, это ты, Марк. Я думаю – кто там скребётся... – про-
изнёс Фредди и потянулся.

– Чего дрыхнешь? У тебя же вроде подработка.

– Выходной взял.

– А чего так? – спросил Марк, без спросу перекладывая
вещи в шкафу Фредди.

– Эй, ты, может, у меня спросишь, чего забыл в моих
шмотках? – спросил тот, приподнимаясь.

– Кислород у тебя где-то был...

– Тебе худо, что ли?

– Не мне. Дугласу нужно для его соседа.

– Там в самом углу смотри, в правом. Только в баллоне
треть осталась, по счётчику тридцать два процента.

– Как раз толкну за пять чаксов.

– Дуглас этот мне ещё пятерку должен был. Если это «Ду-
глас с чердака».

– Он самый.

Выйдя из блока, Головин протянул Дугласу баллон и ска-
зал:

– Тридцать два процента. С тебя пятёрка.

– Держи десятку, я Фредди пятёрку был должен.

Головин получил деньги, и Дуглас с чердака ушёл приво-
дить своего товарища в норму.

Кислородсодержащие спреи применялись для запуска устаревших моделей парогенераторных двигателей, однако в навигаторском училище придумали использовать их в качестве восстановительного средства.

Химические стимуляторы и просто химия «для удовольствия» приводили к замедлению метаболизма в организме, а несколько вдохов кислородсодержащего спрея давали обменным механизмам организма толчок, после чего он понемногу возвращался к нормальному функционированию.

– Твоя десятка, – сказал Головин, бросая деньги на узкий столик, заставленный коробками с пищевыми компонентами, учебными планшетами и составными частями от старых компьютеров, из которых Фредди смастерил нечто вроде экзаменационного терминала для тренировок сдачи учебных рубежных контролей без «химии».

Терминал работал, но всё же без химии пока не обходилось.

– Ну что, как твоя экспедиция? – спросил Фредди, спуская босые ноги на пластиковый пол.

– Вроде нормально, – пожал плечами Головин.

– Чего по выгоде? – уточнил Фредди, шевеля пальцами ног и внимательно следя за этим процессом.

– Лицензия стоит двести десять на полгода, я заплатил шестьдесят. Выгода налицо.

– Налицо, – согласился Фредди, – если неожиданного патча не будет.

Головин вздохнул.

– Что-то я никак в себя прийти не могу, кажется, будто у нас воды по колено, – продолжал сосед.

– Тёплой? – уточнил Головин.

– Ну да, – подтвердил Фредди, продолжая шевелить пальцами ног.

– Это «белая ромашка».

– Да я вроде реактиватор принял.

– Просто подожди, скоро отпустит.

Головин встал и отправился к себе. Он испытывал чувство голода, которое следовало утолить.

Зайдя в комнату, дождался, когда устаревший датчик с задержанием зажжёт освещение, снял куртку и бросил на стул.

Потом снял чужие ботинки. Следовало отнести их хозяину, у которого он брал их в аренду.

Можно было, конечно, сгонять к хакеру и в своих, но ходить без слипов было неприятно, да и шнуровка не срабатывала, а брать чужие слипы... Уж лучше сразу ботинки. Теперь за них следовало отдать половину банки пищевой целлюлозы.

Правда, она была просрочена, да и к тому же с отдушкой «берёзовый корень», а Головину нравился «каштан». Помимо прочего, «берёзовый корень» требовал большего количества таблеток с белково-ферментным составом, которые стоили значительно дороже целлюлозы.

Достав из холодильного шкафа бутылку с водой, Головин

посмотрел её на свет, проверяя уровень по тайно оставленной отметке.

Одно время Фредди подтаскивал у него воду. Понемногу, но всё равно было неприятно, и хотя это было давно и больше не повторялось, Головин всё так же ставил отметки на бутылке. Так ему было спокойнее.

Потом он сел на узкую кровать и, сунув ноги в тапочки из синтетической соломки, протёр руки дезинфицирующей салфеткой, а после небольшой паузы на всякий случай протёр и лицо. Но лучше себя Головин не почувствовал.

– Достало всё, – выдохнул он и стал одну за другой глотать таблетки целлюлозы. Потом сделал два глотка воды, досчитал до двадцати и проглотил ещё три таблетки белково-ферментного комплекса.

Запил её ещё тремя глотками, поставил бутылку на стол и вытянулся на кровати, прикрыв глаза.

По инструкции следовало провести в покое хотя бы четверть часа, от этого зависело качество ферментации и общая усвояемость.

При этом таблетки были совершенно безвкусными, и смириться с этим поначалу было непросто, но позже – года за полтора после перехода на экономичное питание, Головин окончательно привык и, даже проходя на улице мимо кухни, какого-нибудь ресторанчика для толстосумов, не чувствовал никакого беспокойства, когда улавливал запахи, которые смутно помнил ещё с детства.

«Достало всё», – успел ещё раз подумать Головин и незаметно для себя погрузился в сон.

Так, в одежде, он проспал всю ночь, а наутро поднялся ещё до сигнала будильника, примерно в половине седьмого, и, потянувшись, сел, моргая и пытаясь вспомнить, почему он лёг спать не раздеваясь.

– Вроде ничего не принимал, – хрипло произнёс он и, почесавшись под майкой, стал раздеваться, рассчитывая сегодня проскочить в душ раньше Фредди, который обычно поспевал ещё раньше и тратил на себя большую часть лимита, поскольку кроме помывки заготавливал воду для питья – не меньше пяти литров.

Но, по сути, это была не вода, а лишь водосодержащая техническая жидкость, поэтому, чтобы получить необходимые ему пять литров воды питьевого качества, он набирал все семь этой смеси, которую затем перегонял на самодельном разделителе.

Головин пробовал эту воду. Без привычки пить её было трудно, хотя при повторной перегонке отвратительный привкус и покалывание языка исчезали. Однако перегонять второй раз Фредди ленился, да и установка его была не слишком экономичной и пожирала энергию, сдвигая лимиты в зону повышения стоимости.

К счастью для Головина, они с соседом имели различные аккаунты и платили каждый за свою энергию. А вот воду, увы, разделить не удавалось, чем Фредди и пользовался.

Пару раз Головин пытался поговорить с ним, убеждая, что техническая вода плохо влияет на здоровье, но что эти беседы для человека, который дважды в неделю закидывался препаратами.

Бывало он поутру пил техжидкость безо всякой перегонки.

Головин отправился в душ, и каково же было его удивление, когда на счётчике он увидел показатель в тридцать семь процентов, то есть ему оставалось меньше половины воды, и, значит, сосед ухитрился злоупотребить водой ещё ночью.

Но скандалить рано утром он не собирался, поэтому смиренно помылся едва тёплой водяной смесью, постоял полминуты под испарителем и, вернувшись в комнату, начал собираться.

На занятия следовало было поспеть к девяти, а до этого заскочить на склад, чтобы в бешеном темпе просмотреть накопившуюся за два дня документацию на предмет ошибок.

На всё это обычно затрачивалось от тридцати до сорока минут, и после этого Головина даже слегка покачивало, зато хозяин склада Ахмед давал за эту работу по тридцать чаксов.

Деньги небольшие, но и этому Головин был рад, он приходил на склад дважды в неделю, в то время как другие за те же деньги работали впятеро больше. Вот хотя бы Фредди.

4

На улице было сыро, над периферийными районами накрапывал дождь, и он усиливался по мере того, как магнитронные башни защищали от него центральную часть города и деловой Сити.

Головин шёл и испытывал странное чувство, ему казалось, будто все вокруг косятся на его ботинки, как будто знают, что прошивка на них фальшивая. А ещё это возня в брюхе.

По утрам у Головина не было времени лежать неподвижно после принятия целлюлозы, поэтому он компенсировал это двойной дозой ферментов. После этого брюхо пучило, кололо, отдавало куда-то в область шеи, но к обеду всё успокаивалось, и эти часы следовало как-то пережить.

В такие минуты Марку приходило в голову отказаться от экономной диеты и добавлять к целлюлозе брикетированный псевдобелок, однако тогда бы ему приходилось жить, что называется, впритык.

А так у него оставались хоть какие-то деньги для развлечения. На женщин, разумеется, он накопить не мог, но с его питанием было не до женщин.

«Вот выучимся, получим направление от Генеральной компании, и тогда на нормальной жрачке тебя и на баб потянет», – говорил, бывало, Фредди, накидавшись просрочен-

ными таблетками от местных дилеров.

Дождь усилился, и Марк вжал голову в плечи. Вода стала капать за воротник, и он перешёл на бег, чтобы спрятаться под длинный, идущий вдоль здания козырёк.

Забежал под навес, стряхнул с волос воду и сплюнул, ощутив её противный привкус.

Все облака, которые несли на город осадки, обрабатывались специальными реформаторами, временно менявшими состав примесей в воде. Это делалось по инициативе Водяной компании, которая также принадлежала Генеральной компании. Таким образом, воду нельзя было накапливать для собственных нужд и приходилось покупать питьевую в магазинах компании, а для хозяйственных целей – оплачивать водяную смесь через аккаунт пользователя.

Однако в хайтауне, где жили кадеты училища, находились умельцы, которые не только перегоняли техжидкость – за это ведь тоже приходилось платить, но и конструировали хитрые конденсаторы воды из воздуха.

Для этого из окна выставляли специальную конструкцию из множества пластин теплопроводящего пластика, и на них под утро оседала роса.

Впрочем, водяная компания боролась и с такими нарушениями, и время от времени Головин узнавал о том, как того или иного кадета штрафовали, а то и вовсе выгоняли из экономической зоны за то, что на его счету не оказывалось денег на уплату штрафа.

Головин прошёл вдоль козырька длинного здания, но потом ему снова пришлось выйти под дождь.

Впрочем, близость центра города уже ощущалась – капли падали реже.

Подойдя к перекрёстку, Головин не стал переходить по нему, хотя светился разрешительный сектор. Он свернул налево, чтобы через пятьдесят метров воспользоваться другим переходом – второстепенной важности, а потому и не оснащённым сканером.

Точных сведений о том, сканировались ли лицензионные метки одежды на главном перекрёстке, у Головина не было, однако на всякий случай он по привычке обходил его стороной, хотя уже имел на ботинки фальшивую лицензию.

Неожиданно дорогу преградил полицейский.

– Здравствуйте, гражданин. Предъявите вашу идентификационную карточку... – сказал он, держа одну руку на рукояти парализатора.

– А что случилось? – пролепетал Головин, полагая, что про подмену обувной лицензии узнали и теперь ему предстоят суд, штраф, высылка и, возможно, что-то ещё похлеще.

Прочитав испуг на его лице, полицейский отпрыгнул назад и, выхватив парализатор, направил на Головина.

Тот застыл в ужасе, видя, что поясок мощности оружия стоит на верхнем – оранжевом уровне.

– Показывай удостоверение, сукин сын! Не то размажу! – прокричал полицейский срывающимся голосом, и прохожие

стали в ужасе разбежаться.

– У меня в кармане! – фальцетом ответил Головин. – Не стреляйте!..

– Доставай медленно!

– Хорошо...

Головину пришлось задержать дыхание и сосредоточиться на том, чтобы перестали дрожать руки, а лицо не искажали гримасы ужаса. В этот момент рядом свалилась в обморок какая-то женщина, но полицейский в её сторону даже не взглянул.

Наконец, Головин распрямил руку со своей кадетской карточкой, и полицейский тотчас опустил парализатор.

– Фу, парень, как ты меня напугал! – произнёс он, убирая оружие на кронштейн.

– Но почему?

– Потому что похож на преступника, который проник в зону. И, между прочим, из ваших – из кадетов. Моя бы воля, я бы вашу шарагу вон из города выкинул, от вас столько проблем.

– Я могу идти? – спросил Головин, которого всё ещё била нервная дрожь.

– Да иди, конечно, кому ты нужен, Марк Джонотан Головин, двадцати лет, формула тела – двадцать четыре-двадцать-тридцать семь-ноль два. Всё сходится.

Головин сначала не понял, откуда полицейский считывает его данные, однако потом заметил над его правым глазом

крохотный рефлектор, который крепился к шлему и проецировал информацию прямо на сетчатку одного из глаз.

Подъехала карета скорой помощи, санитар с манипуляторным блоком вышел из кабины и, приложив тестер ко лбу женщины, стал смотреть на его показания. В этот момент женщина очнулась, и санитар помог ей подняться.

Головин, воспользовавшись случаем, зашагал прочь, всё ещё чувствуя в ногах слабость. Ну, с чего он взял, что все полицейские города только и думают, что о его фальшивой обувной лицензии?

Ну, бред же.

Захотелось принять какую-то таблетку, вроде «белой ромашки», но послабее. Чтобы расслабило, но не увлекло в бездну. Вот Фредди любил пожёстче, поскольку, как он говорил, свой этап романтической лёгкости уже прошёл и теперь его это уже не пробирало.

Вот и знакомая неброская вывеска, а под ней – дверца, от которой у Головина даже имелся персональный ключ.

Когда он прикладывал его к функциональной пластине, Ахмед знал, что пришёл его нелицензированный помощник.

Проверкой документации должны были заниматься авторизованные компании, однако Ахмед пользовался только визирным оттиском с голограммой одной из таких компаний. За это он платил не такую большую сумму, в какую ему обошлась бы проверка профессиональными ретесторами. Плюс копейки для Головина, итого – мошенник оказывался в боль-

шом выигрыше.

Правда, это был риск. Головин знал, что его работодатель уже дважды лишился «своих людей», которые за деньги передавали ему дубликаты визирных оттисков своих компаний. Но самому Ахмеду пока везло.

Открыв дверь, Головин начал спускаться по лестнице, позади негромко сработал автоматический замок.

С запозданием зажглось освещение, и те пару секунд, что Головин спускался в темноте, напомнили ему о недавнем путешествии с проводником.

От этих воспоминаний даже передёрнуло. Впрочем, здесь Головину был знаком каждый поворот, и он мог пройти во все без освещения, но вот снова стало светло и запахло дешёвым упаковочным пластиком – здесь у Ахмеда была большая фасовочная линия, где он перелопачивал крупный опт в мелкий. Что именно – Головин не знал. Его это не интересовало, поскольку он имел дело только с цифрами.

Выйдя в зал, где грохотали упаковочные автоматы, Головин увидел в дальнем конце Ахмеда, который разговаривал с каким-то своим сотрудником. Однако он заметил Головина и махнул ему, указав на застеклённую звуконепропускаемую дверь офиса, на которой было написано: «продажа, доставка и пр.».

Чего именно доставка и продажа – не уточнялось, однако имелся номер диспикера Ахмеда.

Головин зашёл в офис, и едва закрылась дверь, исчезли не

только стрекот упаковочных машин, но и запах упаковочных материалов.

Головин привычно сел за терминал в углу, которым, видимо, пользовался здесь только он, поскольку каждый раз на панели ввода он обнаруживал тонкий слой пыли.

Оказавшись на стуле, Марк привычно отставил в сторону левую ногу, поскольку стул был поломанный и заваливался влево. Правда, в этот раз он стоял крепко, и Головин, осмотревшись, даже ощупал обивку. Этот стул оказался почти новым, но той же модели, что и прежний.

Открыв панельку на подлокотнике, Головин улыбнулся, тут даже настройка работала и не нужно было подкручивать винты вручную.

Выбрав «единичку», он почувствовал, как механизмы послушно установили настройки прежнего хозяина, скорее всего, женщины невысокого роста, и Головину хотелось думать, что она была красавицей.

В офис стремительно вошёл Ахмед. Как всегда, румяный и деятельный.

– Ну, как тебе новый стул? – спросил он, улыбаясь.

– Удобно, – кивнул Головин, включая самонастройку и предоставляя маленькому процессору самому рассчитать оптимальное положение спинки и сиденья.

– Ну, работает? – спросил Ахмед, вставая рядом.

– Да, – кивнул Головин и включил на терминале предварительный просмотр.

На экране открылся документ с отчётами, а затем страницы начали сменяться во всё ускоряющемся темпе.

Головин сам настроил этот режим – так ему было удобнее.

Наконец, на мониторе уже ничего нельзя было различить, по крайней мере, на взгляд Ахмеда, однако Головин смотрел не мигая и, дождавшись, когда цикл закончился, вздохнул, готовясь запустить повтор.

– Ну что? – спросил Ахмед.

– Что-то есть.

– Много?

– А вам какая разница, вы же мне не за количество найденных ошибок платите.

– Я другую программу применял...

– Какую другую? «Эн-плюс»?

– Нет, это всё тот же «торс», только не совсем это самое...

– Левая лицензия?

– Да.

– Не думаю, что это как то повлияет, – пожал плечами Головин, невольно пошевелив пальцами ног в ботинках, – ну ладно, не отвлекайте меня, а то мне ещё сегодня на занятия.

– Да-да, извини, – согласился Ахмед и, отойдя к стене, опустился на ящик из-под упаковочного автомата.

Он очень любил наблюдать за тем, как Головин тестирует его отчёты. Это выглядело каким-то чудом – смазанные изображения пролетающих страниц на экране, а потом – раз, и его помощник выписывает, где и какие ошибки в расчётах.

Причём случалось, Головин находил не только ошибки самого Ахмеда, но и последствия сбоев в программе «торс», которой тот пользовался.

Вот и сейчас на экране мелькали страницы, а Головин лишь сосредоточенно смотрел на этот документный шторм.

В начале их сотрудничества Ахмед даже пытался снизить цену за такой труд на том основании, что Головин практически ничего не делает – просто сидит и смотрит.

Между тем проверка следовала за проверкой, но Головин всё ещё не приступал к выписыванию обнаруженных ошибок.

– Что-то не так? – осторожно спросил Ахмед.

– Что-то не так, – подтвердил Головин.

– А что? Лицензию надо, да?

– Не думаю, что дело в этом. Надо ещё посмотреть, – сказал Головин.

В отличие от Ахмеда его беспокоило другое. Все ошибки в отчёте он уже обнаружил, с этим проблем не возникло. Но там было что-то ещё, Головину это представлялось неким другим слоем.

Наконец, когда он прогнал проверку ещё пару раз, Ахмед не выдержал и вскочил.

– Уй, слушай, я, наверное, лицензию куплю! Это мучение какое-то смотреть на всё это!

– Не спешите, – сказал Головин и, открыв отдельное окно, быстро вписал в табличку ошибки с указанием их располо-

жения.

– Эй, значит, всё получилось? – расцвёл Ахмед.

– На первый взгляд – да, – со странной интонацией произнёс Головин.

– А на другой? – спросил озадаченный Ахмед.

Головин не ответил, потом решительно открыл редактор и увидел, что метка блокировки была снята.

Обычно она закрывала доступ к телу программы для любителей подкрутить-улучшить, об этом позаботились производители программного продукта, однако эта версия была ломаной, и неизвестный хакер, подменив лицензию, не посчитал нужным вернуть блокировку на место, а может, не смог.

Головин открыл код, и на первый взгляд он показался ему не сложным – некоторую подготовку по программированию им в навигационной школе давали. Однако вскоре он понял, что это не сам код, а только предкод и за каждым знаком стояли не просто строки, а целые расчётные блоки и поисковые циклы.

– Ого! – произнёс он, когда картинка на терминале зависла и бухгалтерский сервер Ахмеда взвыл насосами охлаждающей системы, пытаясь успокоить вышедшие на пик нагрузки процессоры.

– Эй, что там происходит, а? – забеспокоился хозяин. Но сервер уже перестал шуметь, и картинка на мониторе снова задвигалась – код был развёрнут полностью.

– Не испортится, нет? – привстав с пустого ящика, спросил Ахмед, озабоченно поглядывая на сервер, который он купил по случаю у знакомых наркоманов.

Машина для его фасовочного предприятия была великовата как по размерам, так и по возможностям, но просили за неё совсем немного, и он не устоял.

– Ничего не испортится, – ответил Головин, впрочем, без особой уверенности. Он входил на прежде неизведанную территорию и всё ещё сомневался – а стоит ли? К тому же поджимало время, ему ещё требовалось попасть на занятия, он и так пропустил два семинара, а преподаватель по «престификации в области трёхмерных точек» такого не прощал.

– Я по-быстрому, – пообещал себе Головин.

– Чего? – снова забеспокоился Ахмед.

– Ничего. Нормально всё, – сказал Головин и запустил режим «пробежки», как он это называл.

Страницы кода начали перелистываться, и Головин погрузился в процесс проверки. Всё было как обычно, он отмечал ошибки, которые быстро накапливались, и к моменту, когда мелькание страниц прекратилось, их набралось больше двух десятков.

На всякий случай Головин повторил проверку и получил тот же результат.

Теперь оставалось взглянуть на них, и он начал переходить по адресам, которые для него сохранила его особенная память. Однако оказалось, что в буквальном смысле он на-

шёл не ошибки, а лишь значки акцентов, указывающих на то, какие команды должны выполняться первыми в случае их равнозначности. Но никаких конкурирующих строк во всех двадцати двух «ошибках» не было.

Головин убрал значки акцентов, подтвердил изменения и запустил программу «торс» заново.

Она штатно запустилась и выполнила подкинутую Головиным задачу на расчёт.

– Ну, всё в порядке, – сказал Головин, поднимаясь, – можете переносить исправления, а я побежал.

Ахмед протянул заготовленные деньги, который всякий раз отдавал с гримасой страдания на лице.

Головин выскочил из офиса в пахучий и шумный зал, пробежал по тёмной лестнице наверх и оказался, наконец, на воздухе.

Затем взглянул на часы – у него оставалось семь минут, а идти нужно было не менее пяти. Не критично, но требовалось прибавить шаг. А пока он маневрировал между встречными пешеходами, ловя на себе сумрачные взгляды полицейских, в защищённом многослойными фильтрами безопасности эфире прошёл сигнал вызова.

– Седьмой слушает...

– Сэр, у нас чрезвычайная ситуация.

– Что случилось?

– На одном из спецпродуктов удалены сверхметки.

– Сколько?

– Все.

– Что?!

– Именно так, сэр. Весь массив из двадцати двух сверхметок удалён в течение четырёх минут пятидесяти двух секунд.

– Какой ареал? Какие-то параметры точки входа отследить удалось?

– Не то что ареал, сэр. У нас имеется точный адрес, это здесь, в городе.

– В городе?! – поразился начальник. – Срочно группу на место! Если, конечно, адрес на виртуальный.

– Группа уже в пути, сэр.

5

Уже через два часа Головин тем же путём возвращался к себе в хайтаун. После обучающего марафона на семинаре он чувствовал некую опустошённость и смотрел по сторонам, словно путешественник из окна биг-буса с толстыми стёклами. Казалось, снаружи не проникали никакие звуки, ни дуновения ветерка от проехавшего грузовика.

Это было обычное лёгкое оупение после предмета «престификация в области трёхмерных точек».

Преподаватель по этому предмету уверял, что пройдёт время и они станут вспоминать его с благодарностью, ведь эта дисциплина в реальной навигации всё ещё недостаточно оценена.

Вот автомат с бургерами из аппетитной микропены, но Головин лишь скользнул по нему взглядом. Сейчас он всё ещё не испытывал чувства голода.

А вот ларёк с формованными фруктами – как настоящими, если сравнивать с теми, которые Головин видел в обучающих фильмах.

Красные, жёлтые, круглые, квадратные и даже тороидальной формы. Однажды он купил себе пару – ничего особенного, таблеточные имитаторы бывали и получше. Правда, хорошие имитаторы и стоили соответственно, впрочем, Головин уже давно понял, что тратить деньги на еду больше, чем

это требовала физиология, не стоило.

Показавшееся на пути препятствие вернуло его к реальности. Это был уличный робот-черепашка. Двадцатикилограммовая машина, работавшая по заданным маршрутам. И сейчас он сучил своими манипуляторами, торопливо собирая крошки стекла, просыпавшегося из разбитого окна второго этажа.

Головин посмотрел вверх, и тут до него дошло, что это здание, в котором находилась фабрика Ахмеда, а чуть дальше, в стене, зиял пролом, в котором прежде стояла усиленная коробка с металлической дверью, куда Головин входил дважды в неделю.

Обойдя робота, Головин двинулся по краю тротуара и, стараясь не поворачивать головы, отчаянно скашивал глаза, чтобы лучше рассмотреть, что же тут случилось.

Оказалось, что металлическая дверь вместе с коробкой валялись на ступенях, засыпанные обломками пластобетона и пылью. А на стене Головин отчётливо рассмотрел следы крови. Как будто кого-то крепко побили, а потом волокли вверх.

Головин легко себе это представил, поскольку у них на этаже неделю назад подрались двое кадетов, и одному расквасили нос, так потом следы от его кровотечения две недели никто не удосуживался отмыть.

Здесь было очень похоже.

Ужасный семинар был забыт, и Головину вернулось преж-

нее ощущение страха. А ещё на улице появились полицей-дроны. Головин уже давно их не видел, а теперь их на улице было не меньше полдюжины, и они зависали напротив выбранных ими подозрительных лиц и требовали либо предъявить идентификационную карту, либо раскрыть ладонь и держать в таком виде около десяти секунд, пока полицей-дрон не сделает качественный скан, пригодный для распознавания личности.

Казалось, что никто кроме Головина не замечает этих жужжащих гигантов, и лишь те, от кого они требовали предъявить идентификационную информацию, останавливались, дрожащими руками доставали карточки или смиренно ждали, растопырив для верности обе ладони, хотя требовалась только правая.

Они тоже боялись. Они все боялись, и, замечая признаки чужого страха, Головину становилось чуточку легче. Значит, не один он такой.

Стараясь ничем не выдавать своего состояния, он пытался идти как обычно, поглядывая на проезжающие мимо транспортные боты. Большие и маленькие, лёгкие развозные «электрики» и снабжённые парогенераторами тяжёлые «дабблы».

Между тем полицей-дроны продолжали выборочно проверять поток пешеходов, который к полудню становился всё плотнее.

Яркая вспышка и громкий сигнал заставили Головина

остановиться и замереть, прямо перед ним на уровне лица висел чёрный аппарат размером с большую кастрюлю. Тонко жужжали ходовые винты, тёплый воздух ударял в землю и расходился волнами, и Головин почувствовал, как по ногам пошло тепло от выхлопных дюз машины.

– Здравствуйте, гражданин. Предъявите ваши идентификационные данные, – произнёс робот синтетическим голосом, который должен был звучать как женский, однако что-то там испортилось, и он стал скрипучим, добавляя ужаса.

Головин кивнул и достал из кармана карточку – уже второй раз за день. Фасеточный глаз полицай-дрона моргнул диафрагмой, проскрипел: «благодарю вас», и, облетев Головина, отправился по своим делам, а Головин на ватных ногах пошёл по своим.

Что же здесь могло случиться? Почему разгромлена фабрика Ахмеда и откуда эта кровь на стенах коридора?

Головин подавил в себе желание оглянуться, боясь ещё раз привлечь внимание дронов.

Может, Ахмед фасовал какие-то запрещённые вещества? Головин никогда не интересовался, что именно рассыпал по упаковкам его работодатель, поскольку ему платили только за цифры.

«Что ж, с Ахмеда станется, тот ещё делец», – подумал Головин, не исключая, что его работодатель мог влипнуть в историю с наркотиками.

6

Когда Головин вернулся домой, он первым делом заглянул в комнату к Фредди и поразился царившему там порядку.

Старая одежда, валявшаяся по углам, была развешана по крючкам на стене, блоки самодельного терминала были протёрты от пыли и составлены горкой один на другом.

Обычно замусоренный пол также был подметён, а сам Фредди сидел за столом, на котором теперь все баночки с пищевыми таблетками стояли рядом.

– Ты в порядке? – осторожно поинтересовался Головин.

– Да, просветление какое-то наступило. Даже думаю поучиться сегодня.

– Да ладно, – не поверил Головин. Сам Фредди никогда ничего по учёбе не делал, за исключением редких тренировок на собранном им тренировочном терминале. Какие-то письменные работы за него выполнялись другими кадетами, с которыми он договаривался за деньги или менялся на что-нибудь.

Денег у него тоже почти не водилось, однако сознание его работало по-особенному, и он умел находить какие-то жизненные ресурсы там, где другие доставать их даже не задумывались.

Фредди был не жадным, но в свои походы за ресурсами никого не брал, хотя многие напрашивались.

Головин относился к соседу с уважением, тот был на пол-периода старше и прошёл через испытания, которые Головину ещё только предстояло пройти. Из уважения он и не особенно скандалил по поводу расхода водяной смеси, которую Фредди частенько перебирал, расходуя из половины Марка.

– Как семинар? – спросил Фредди, поворачиваясь к Головину полностью, и тот заметил, что его сосед полностью одет, видимо, планировал куда-то идти.

– Как всегда – люто.

– А ещё какие новости?

– А какие ещё новости? – не сразу сообразил Головин.

– Что-то с полицией, – подсказал Фредди, глядя на Головина рассредоточенным взглядом.

После принятия тяжёлых средств он часто в период отхода пребывал в особенном состоянии изменённого сознания и, случалось, мог довольно много рассказать о том или ином человеке.

Головин к этому привык.

– Остановили на улице, пришлось показывать карточку. Даже шокер на меня навёл, прикинь?

– Из-за ботинок?

– Если бы. Просто так, рожа не понравилась. Тётка какая-то вообще в обморок грохнулась.

– А что с твоей фабричной подработкой? Дверь цела?

– Похоже, накрылась подработка, – вздохнул Головин и, зайдя к Фредди, сел на единственный целый стул. Сам хозя-

ин комнаты умело балансировал на трёхногом.

– А почему я вижу дверь?

– Потому и видишь, что всё накрылось. Сегодня пришёл к нему, отработал нормально, получил деньги и ушёл. Обрат-но иду, вижу, дверь выбита и валяется там – на ступеньках. Даже кровь на стене видел, прикинь?

– Ему разбили лицо...

– Наверное, – пожал плечами Головин и вздохнул. – А там не видно, кто его так? Власти или какие-то эти самые?

– Не видно. А вот что-то там летает, – добавил Фредди и изобразил пальцами какую-то пантомиму, вроде как порха-ющий мотылёк.

– Это полицай-дроны. Штук шесть над тем местом кру-жили и ко всем приставали – ко мне тоже. Пришлось снова карточку показывать. Жутковатые аппараты.

– Значит, власти, если дроны там тусовались.

– Я тоже так думаю.

Неожиданно Фредди резко поднялся, придерживав завалив-шийся стул, и сказал:

– Ну что, я близок норме, и, значит, самое время совер-шить бросок.

Он сделал несколько разминочных движений, потопал но-гами и растёр ладонями уши.

– Что за бросок?

– На линию, так сказать, соприкосновения.

– С чем соприкосновения, Фред? Довольно аллегорий.

– Я приглашаю тебя с собой за пищевыми запасами.

– Да ладно! Ты же всегда один ходил!..

– Всегда один, потому что держал выгодную схему для себя, – пояснил Фредди. Потом провёл пальцами по подбородку и добавил:

– Побриться нужно, схема не любит небрежных.

– Почему же ты решил вдруг взять меня? – не отставал Головин, следуя за соседом по всей его комнатухе, пока тот искал бритвенную утилиту.

– Ага, вот ты где! – произнёс Фредди, выуживания бритву из-под запасных блоков для самодельного терминала.

Пока он брился, глядя в узкое окошко, которое следовало помыть ещё пять лет назад, Головин молчал.

– Сегодня я увидел новую схему, – сказал Фредди, закончив бритье и убирая бритву обратно под стопку блоков.

Головин кивнул. Он уже знал, что под препаратами Фредди, бывало, посещали разные идеи как дурацкие, так и вполне ничего.

– Так вот, если тебе сегодняшняя схема понравится, я тебе её подарю, а сам стану прокачивать новую.

– Ух ты! Но ты ведь мог бы продать старую схему. Это же неплохие деньги.

– Мог. Но схема – это не товар, Марк, схема – это... – Фредди поднял глаза к потолку, подыскивая нужный термин, но не нашёл.

– Короче, схему нужно передавать в подарок, а ты един-

ственный, кому бы я хотел сделать подарок. Такое объяснение тебя устроит?

– Вполне, – кивнул Головин.

– Ну всё, тогда прямо сейчас и двинем.

– А это далеко?

– Три остановки на сабурване.

– На сабурване? Но там же сканер компании!

– И что? Зачем ты платил за ломаную лицензию, если не имеешь возможности её использовать? В конце концов, нужно проверить, купил ты действующий товар или туфту.

Головин вздохнул. Он знал, что рано или поздно придётся пройти через суперсканер компании, но боялся этого момента и старался его отсрочить. Но Фредди прав, нужно пройти этот рубеж, чтобы удостовериться, что лицензия работает.

Спустя четверть часа они уже шагали по улице по направлению станции сабурбана, при этом Фредди излучал уверенную решительность, а Головин неуверенно семенил, стараясь не думать о том, как всё пройдёт с суперсканером.

Он пытался отвлечься, обращая внимание на девушек, на парочку деревьев в небольшом сквере – по слухам, полностью натуральных, а не каких-то там гиперсинтетиков.

Деревья были огорожены высокой сеткой, чтобы настоячивые поклонники натуральных продуктов не срывали с них листочки.

Эти эксперименты часто вызывали отравления, поскольку привыкшие к синтетике желудки жителей экономической зоны плохо реагировали на продукты естественной природы.

Вот и башня сабурбана, облепленная рекламными панелями.

Прежде Головин любил поглазеть на рекламу, которая на этих башнях была самой красивой во всём городе, но сейчас он шёл словно по туннелю и, казалось, даже сквозь толщу грунта видел в самом низу шахты чёрный тетраэдр суперсканера. И полицейских рядом с ним. Всегда пару здоровенных полицейских с лицами задремавших злодеев.

– Заходим...

– Что?

– Очнись, Марк, мы заходим в лифт.

– Ах да, извини, – пробормотал Головин, и они вместе с ещё полусотней пассажиров вошли в огромную лифтовую кабину, после чего двери закрылись, и кабина будто сорвалась в пропасть.

Головин даже почувствовал тошноту. Он так и не привык к подобному экстремальному трюку, однако люди вокруг стояли с совершенно спокойными лицами, а кто-то даже дремал.

Для многих это была ежедневная процедура – с работы и на работу. Но Головин пользовался подъёмниками не так часто, поскольку все основные точки: магазины, учебные корпуса, бары и другие посильные развлечения – располагались в одном районе.

Этот аттракцион был необходим для того, чтобы спуск был не слишком долгим, ведь сеть транспортных тоннелей располагалась на глубине в полторы тысячи метров.

Разумеется, строить так глубоко никто бы не стал, однако Генеральная компания воспользовалась готовой сетью шахтных выработок, которых под городом и всей экономической зоной насчитывалось сотни километров.

Для организации транспортной системы потребовалось лишь облагородить станции и поставить подъёмники и новые лифтовые кабины вместо шахтёрских клеток. Да ещё заглушить неосновные туннели, из которых иногда неожиданно выкатывались вагонетки или целые составы, вызывая ава-

рийные ситуации.

Как оказалось, полной схемы подземных туннелей не было, поскольку шахта разрабатывалась не одно десятилетие и несколько раз меняла владельцев.

Существовали неизвестные депо и энергетические узлы, которые продолжали в автоматическом режиме снабжать скрытую часть выработок энергией, а, по слухам, не останавливались и шахтные комбайны, продолжавшие рубить руду и подавать к транспортёрам.

Этим объяснялось появление целых гор неучтённой породы, которые вдруг обнаруживались за пределами экономической зоны.

Падение лифтовой кабины стало замедляться, закрипели тормозные профили, потом стали включаться гравитационные соленоиды обратного действия, переводящие кинетическую энергию падения лифта в полезное электричество.

Вдруг всего в метре от себя среди голов обычных пассажиров Марк увидел лицо очень красивой девушки.

Ну очень привлекательной. Чуть привстав на носочки, он смог разглядеть её шею, синий пиджак и розовую блузку под ним.

Заметив его интерес, девушка прикрыла глаза, сделав вид, что дремлет.

Началась основная фаза торможения, когда к гравитационным солеоидам стали подключаться механические системы.

Они разгоняли стоявшие на кабинах маховики, которые накапливали энергию для последующего старта наверх.

Наконец, гигантская лифтовая кабина остановилась, створки дверей разошлись, и пассажиры стали выходить, сразу оказываясь в небольшом вестибюле перед контрольным пунктом станции, за которым уже слышалось гудение трансформаторов тяговых механизмов и чувствовалось дуновение ветерка с запахом подгоревшей изоляции.

Стараясь не упустить красивую девушку из виду, Головин успел заметить, какая у неё фигура. Он так увлёкся, что совсем забыл про суперсканер и, увидев этот чёрный шкаф у проходных ворот, весь будто окаменел изнутри.

Теперь он остался как будто один на один с каким-то монстром, в то время как девушка, легко скользнув мимо контроля, коснулась платёжным чипом стенки шкафа и стала стремительно удаляться, а Головин, стараясь дышать ровно, двигался вслед за Фредди, взявшим на себя роль пробивающего дорогу лидера.

Фред первым приложил к стенке суперсканера свою кадетскую карточку, дававшую скидку в восемьдесят процентов.

За ним то же проделал и Головин, однако не успел он пройти воротца, как его за локоть схватил один из полицейских стражей и грубо выдернул из потока пассажиров.

– Что случилось? Почему вы это делаете? – деревеня от ужаса, залепетал Головин, замечая на себе осуждающие и да-

же злорадные взгляды проходящих мимо людей, дескать, попался злодей, вот тебе сейчас будет.

Между тем полицейский никак не реагировал на вопросы задержанного и, лишь втолкнув его в крохотный кабинет, прикрыл дверь и в наступившей почти полной тишине произнёс:

– Предъявите вашу карту, гражданин.

– Пожалуйста...

Головин протянул документ, который даже не успел убрать в карман.

В этот момент в околоток зашёл ещё один здоровенный полицейский, и стало совсем тесно.

– Поймал? – спросил он у первого полицейского.

– Пока не знаю. Большой сканер что-то засёк.

– Что именно?

– «Код четвёрка».

– Ну, так возьми ручной и проверь.

Второй полицейский протиснулся мимо Головина и стал рыться в выдвижном ящике стола.

– Ну что? – спросил первый.

– Что?

– Нашёл сканер? Я уже на посту должен быть. Сдать тебе арестанта и вернуться.

– Сам ищи свой сканер, я ищу упаковку проджекта. Где-то здесь у меня была.

– Твой проджект схмячил Густав ещё две смены назад, –

со злорадной усмешкой произнёс первый полицейский и, перешагнув через стул, начал проверять содержимое полок, с которых свисали провода от ожидавших ремонта гаджетов и громоздились стопки нечитанных нормативных документов.

– Я прибью этого гада! Это был мой проджект, и никто не имел права его трогать! – возмутился второй полицейский, продолжая ещё более нервно рыться во всём, что он находил в ящике.

– Да где этот ручник, а? – спросил первый полицейский. – Ты не видел его, Бойл?

– Не знаю. Может, твой Густав и его сожрал.

– О, вот он! А кто это его в мусорку выбросил, а?

Первый полицейский нагнулся и выудил из мусорной корзины сканер. Включил его, тот заработал.

– Всё в порядке. Итак, проверяем нашего этого самого... – произнёс он и провёл прибором за спиной Головина. У того даже мурашки побежали.

– И чего? – спросил второй полицейский, прекративший поиски проджекта.

– Не пойму, – ответил первый, приглядываясь к крохотному экрану, – пишет: «лицензия не найдена».

– Какая именно? Обувная или курточная?

– Обувная есть... Курточную не показывает...

– Что конкретно пишет? – спросил второй полицейский и, с трудом обойдя стол, перешагнул через стул и присоединился к коллеге, при этом задержанного совсем притиснули

к стене.

– Так, это он пишет, что база лицензий имеется, но номер не читается, – пояснил второй полицейский.

– И чего делать?

– Штрек-бирка запачкана или повреждена. Ну-ка, парень, переползай ко мне ближе.

Головин повиновался. Он уже понял, что его ботиночная лицензия в порядке, а за куртку он был спокоен, её лицензия по сравнению с обувью стоила сущие пустяки, и на ней он никогда не сэкономил.

– Так, встань ровнее... – скомандовал второй, и Головин распрямился насколько это было возможно. После чего полицейский хлопнул его между лопаток так, что у Головина лязгнули зубы.

– Так, стой ровно, – произнёс второй полицейский и ещё раз прошёлся вдоль спины Головина сканером, – во! Подействовало! Порядок, лицензия на куртку рабочая.

– И что теперь? – спросил первый полицейский.

– Ничего. Гражданин ничего не нарушал и может быть свободен.

Из тесного околотка Головин выскочил будто на крыльях. Ещё раз отметился на стенке «большого ящика» своей картой и выбежал к ожидавшему его Фредди.

– Небось, думал меня там арестовали? – спросил он, едва сдерживая радость.

– Нет, – качнул головой Фредди и направился к правой

стороне станции, откуда им следовало отправляться до места.

– Ты правда не переживал? – спросил Головин, забегаая наперёд.

– Правда. Что-то там со шмотками не так. Но не с ботинками.

– Ух ты! Тебя вроде уже отпустило, а ты всё ещё видишь!

– Вот это меня и пугает.

– Что именно? – продолжая подпрыгивать, уточнил Головин.

– То, что эта фаза длится всё дольше. Так ведь можно навсегда остаться по ту сторону границы.

– Ну так сбрось обороты.

– Легко сказать. А как жить в нашей общаге, не подбрасывая дровишек?

– Но я же справляюсь. Кстати, почему у тебя губа разбита?

– Я стал жертвой скорой расправы, – ответил Фредди, останавливаясь на перроне.

– Какой такой расправы? Ты о чём?

– Красотку в лифте видел?

– В синем пиджаке?

– Ну да, с тёплой бархатной кожей на ощупь.

– А откуда ты...

– Дослушай. Пользуясь тем, что она в тесноте была обездвижена, я дал волю своим рукам. Успел больше, чем рассчитывал, а потом она с трудом повернулась ко мне и улыб-

нулась.

– Но губа...

– Дослушай. Улыбнулась и как дала с головы прямо в репу. Хорошо, успел голову чуть повернуть, а то бы сейчас гну-савил, как этот самый...

– Гилли Мак-Ивер?

– Вот именно.

В туннеле показался тяговый локомотив, и Фредди с Головиным чуть подались назад, поскольку вместе с составом прилетала волна пахнущего горячей изоляцией воздуха.

Для них это были неприятно, но постоянные пользователи сабурбана на это не обращали внимания.

Полыхая перегретыми трансформаторами, состав вытянулся вдоль перрона, и волна вышедших сменилась волной вошедших пассажиров.

Двери закрылись, раздался треск плазменной дуги, и, приподнявшись на магнитном поле, состав начал разгоняться, паря над старинным полотном, некогда выложенным здесь для вагонеток, но теперь переоборудованном для поездов на магнитной подушке.

Станция сменяла станцию, а Головин не переставал улыбаться, осознавая, что лицензия на обувь действует и он избавился от этой терзавшей его боли.

– Выходим, Марк, – сказал Фредди, подталкивая товарища к выходу.

– На блондинку, что ли, засмотрелся? – уточнил он, когда

они уже подходили к лифтовой кабине скоростного подъёмника.

– А там была блондинка?

– Там были три блондинки и две брюнетки. И все достойны внимания. А ты о чём думал?

– Я подумал... Я подумал, Фред, до чего же всё достало, так бы забросил эту навигаторскую школу и поехал куда глаза глядят. Но я родителям обещал, они меня финансово поддерживают, хотя и сами не жируют.

– Как я тебя понимаю, Марк. Я бы и сам отсюда давно сбежал, если бы не препараты.

– Они помогают тебе смириться с действительностью?

– Нет, за пределами экономической зоны их практически не достать.

– Ты рассуждаешь как... – Головин не договорил, смутившись тем, что уже начал говорить.

– Как наркоман? – докончил за него Фредди, вжимаясь в пассажиров, чтобы закрылись двери лифта.

– Извини.

– Не парься. Не хочешь называть меня наркоманом, называй продвинутым пользователем.

В этот момент кабина отпустила сцепление и вся накопленная мощь маховиков начала подъём кабины с такой перегрузкой, что у Головина от непривычки стали подгибаться колени.

8

В этом районе города Головин никогда не был. Архитектурное направление, которому подчинялись здешние постройки, он бы назвал бетонными джунглями. Двенадцатиэтажные башни здесь чередовались с двухэтажными постройками, созданными из остатков стен, которые прежде стояли над заброшенными подвалами.

Здесь были на удивление широкие улицы и достаточно много частного транспорта.

– Что это за район? – спросил Головин, то и дело оглядываясь. Публика тут одевалась ярче, люди громко разговаривали и выглядели раскованнее.

– «Аллея Генерала Фолкнера».

– Что-то я не слышал такого названия.

– Это неофициальное. В городском плане он числится как «район номер двадцать два».

– И всё?

– Всё. Это бывший промышленный район, и у компании не было средств и желания, чтобы его перестраивать, поэтому они пошли на хитрость, было объявлено, что тут не действуют некоторые ограничения, и люди сами за собственные средства стали перестраивать и благоустраивать район, и теперь это уже что-то. Хотя, конечно, индустриально-бетонный привкус остался.

– Да, – согласился Головин, – но мне здесь нравится. Никаких полицейских или даже полицей-дронов.

– А ты стал словоохотливее после проверки на суперсканере.

– Да, и спасибо тебе за это. Такое ощущение лёгкости, давно забытое.

– Ладно, ты постой вон там, возле живого кустика в кадке.

– Правда, живой? – уточнил Головин, не видя никакого ограждения возле деревца.

– Правда, только ты его не трогай, здесь этого не любят.

– Да я и не собирался, – пожал плечами Головин, – а ты куда?

– Я отлучусь ненадолго, оборудование прихвачу.

– Какое оборудование?

– Необходимое.

И, оставив Головина, Фредди перебежал дорогу и направился в сторону бетонных построек, а его напарник самостоятельно преодолел ещё метров тридцать и остановился на выщербленном тротуаре в нескольких шагах от пластиковой кадки, в которой росло небольшое дерево.

Постояв немного, Головин осмотрелся и, поняв, что не привлекает к себе внимание, осторожно продвинулся в сторону деревца.

Потом – ещё. Не то чтобы он был дикарём и никогда не видел деревьев – видел, конечно, но издали.

В детстве из окна квартиры он видел у самого горизон-

та древесные плантации химической компании, а пару раз в школе даже ездил с классом на экскурсии к этим плантациям.

Правда, и там их близко не подпускали, и всё знакомство с деревьями ограничилось лекцией. Но она была очень интересной, с показом роликов, слайдов про хлорофилл и жучков-вредителей.

А ещё давали послушать шум листвы, записанный в режиме акустического квадро.

Одним словом, про деревья Головин знал достаточно, однако чтобы вот так близко и без ограды...

Он приблизился к дереву ещё и скоро уже стоял в каких-то полутора метрах, потягивая носом и стараясь уловить особенный аромат дерева. Он слышал, что оно должно пахнуть.

Но никакого запаха не почувствовал. Немного подумав, он прикинул, с какой стороны навевает лёгкий ветерок, и решил перейти на подветренную сторону и уже, может быть, там уловить нужный аромат, но тут появился Фредди с каким-то свёртком.

– Ну, как ты тут, не нажрался листвы?

– Нет, ты же сказал, что прибудут, – ответил Головин и огляделся.

– Тогда пойдём дальше, к следующему этапу схемы.

– Далеко?

– Нет, полквартала всего.

– А что за оборудование в пакете?

– Дифракционный сканер с отложенной реакцией.

– Почему отложенной?

– Потому, что ему подумать надо, прежде чем ответ давать. И на нём ещё печатающий блочок. Лазерная термопечать.

– А зачем?

– Скоро увидишь. Осторожно, лужа...

– Ничего себе! – отвлекшись на обсуждение диковинного прибора, Головин едва не влетел в настоящую воду, которая разлилась по большой яме в дорожном покрытии.

– Эй, Фред, да в этой луже полно воды! Почему её никто не собирает? У нас возле хайтауна всё бы подобрали.

– Здесь на всё это смотрят иначе. Видишь, даже дерево у них не огорожено.

– Удивительно, – произнёс Головин, – всего три остановки на сабурбане, и совсем другой мир.

– Ладно, довольно лирики. Вон, видишь люди толпятся у высокой двери?

– Да, а что это?

– Это очередь в так называемый «фудклуб». Там раздают всякую еду, у которой вот-вот выйдет срок годности.

– То есть, скажем, пятидесятилетнюю микроцеллюлозу?

– Почему пятидесятилетнюю?

– У самой простой такой срок годности. Пятьдесят лет.

– Я не знал об этом.

Головин кивнул. Фредди на самом деле не интересовался сроками годности той еды, которую употреблял. Впрочем, если он иногда пил водосодержащие жидкости, ленясь их даже перегонять на своём самодельном адсорбере, что ему какие-то сроки годности.

– Ты хочешь сказать, что нам дадут эту еду?

– Только если мы относимся к почитателям Робина Боровского.

– Я слышал, это один из основных акционеров Генеральной компании.

– Вот именно. Этот парень, помимо того, что богатей, корчит из себя эдакого покровителя художников-авангардистов, философов, толкователей аникейского права, сюзмалтеров и прочих.

– Из того, что ты перечислил, я только сюзмалтеров знаю, – заметил Головин.

– Этого вполне достаточно. Так вот, слушай. Сейчас мы подойдём к очереди, и я начну нести всякую пургу, потом мне дадут бланк, и я, чтобы лучше его рассмотреть, положу его на пакет, который ты будешь держать столиком якобы для моего удобства. А на самом деле, в этот момент наш сканер должен срисовать бланк во всех подробностях.

Они подходили всё ближе, и вот уже можно было рассмотреть разношёрстную публику – всего человек пятнадцать, и Головин никогда бы не смог различить, кто из них художник-авангардист, а кто – сюзмалтер.

Мужчины, женщины, старики. Одетые по моде, одетые в потёртые комбинезоны грузчиков, в классические костюмы, правда, заметно помятые.

Когда до очереди оставалось несколько шагов, Фредди сунул руку в пакет, включил сканер и, подав пакет Головину, показал, как надо будет держать прибор.

– Да не трясись ты, вполне обычная процедура, – сказал он негромко, – привыкай, я же дарю тебе этот метод, а сегодня – генеральный прогон, понимаешь? Репетиция.

Головин кивнул, и Фредди, двинувшись вдоль очереди, громко спросил:

– А что, граждане, сегодня же премиальный день, я так понял?

– С чего это премиальный? – угрюмо спросил седоватый мужчина с синяком под глазом.

– На «четвёртом пункте» премиальные наборы дают. Я вот сейчас – в секретариат и сюда думал вернуться.

– Обычный сегодня день, молодой человек, – сказала полная женщина с флуоресцентными татуировками на шее.

– А не покажете прайс-тикет, чтобы я в секретариате не позорился, а то наорут ещё...

– Вот, – сказала женщина, показывая небольшой квиток. Фредди тотчас выхватил его у неё и пришлёпнул к вовремя подставленному Головиным пакету.

– Прошу прощения, зрение иногда подводит, приходится приспособливаться, – вовремя пояснил он, поскольку жен-

щина уже раскрыла рот, чтобы начать возмущаться, но лишь покачала головой. И Фредди тотчас вернул ей квиток.

– Огромная вам благодарность, мадам, – сказал он и потащил Головина в сторону.

– Эй, да чего ты так быстро? – спросил тот.

– Там хмурый такой стоял, в зелёном пуловере.

– И чего?

– Кажется, он меня срисовал. Видел он уже этот мой номер.

Головин оглянулся.

– Вроде никто за нами не идёт.

– Ты себе на будущее усеки главное – старайся запомнить, перед кем там выступаешь, потому что, если повторно на него нарвёшься, могут быть проблемы.

Они зашли за угол, после чего Фредди на всякий случай ещё раз выглянул из-за него и, убедившись, что всё спокойно, достал из пакета сканер.

– Ух ты какой! Дорогой, наверное, – восхитился Головин внешним видом прибора.

– Да не то слово.

– Как же тебе удалось на него накопить?

– Это не мой. Я его в аренду беру.

– И сколько платить надо за аренду такой игрушки?

– Нисколько, – ответил Фредди, запуская на приборе печать, после чего тот выдал два листочка, полностью повторив то, что было на квитке, взятом у женщины из очереди,

правда, на чуть более светлой бумаге.

– А ничего, что бумага немного другая?

– Это не главное, – сказал Фредди, убирая прибор обратно в пакет.

– Я гляжу, бланк-то совсем простой. Ни даты, ни времени. Ты каждый раз проворачиваешь этот трюк со сканером? Можно же сразу напечатать много бланков и пользоваться ими.

– Всё не так просто. В печати бланка спрятан пароль. Он каждый день разный, а бланки – да, одинаковые.

– А если просто копирнуть? – спросил Головин, продолжая изучать бланк.

– Эту ошибку я совершал, когда попытался первый раз пробраться в фудклуб. Дело в том, что там, в этих обыкновенных линиях и простых буковках безо всякой голограммы, строго позиционируется разная интенсивность нанесения краски в микроточках. Поэтому мы не используем простой сканер, потому что он бесполезен, а именно этот.

– Офигеть, – покачал головой Марк, – а как этот метод называют?

– Метод шифрования с помощью неявных команд. Акцентов, понимаешь? Можно использовать стационарные машины, они тоже срисуют микроточки и дадут им разную интенсивность печати, однако, не зная шифра, они не смогут выставить неявные акценты.

– Значит, когда ты говорил, что у этого минисканера от-

ложенное действие, ты имел в виду, что он долго думает, потому что ещё и расшифровывает вдобавок?

– Молодец, додумался.

– Блин, но это же серьёзная машина. Это же уровень...

– Да, спецслужб, – просто обронил Фредди, выглядывая из-за угла ещё раз.

– И кто же владеет такой штукой? – невольно переходя на шёпот, спросил Головин.

– Ты уже понял, не нужно дополнительных вопросов.

– Но почему такую штуку дают бесплатно? – не унимался Головин.

– Я ему джеттер собрал.

– Чего?

– Акустический на двух контурах. У них такие ещё даже не проектировали.

– А что это такое – джеттер акустический?

Фредди не ответил, он снова был занят наблюдением за очередью.

– Всё, тот подозрительный в зелёном пуловере отчалил. Можем идти.

Поскольку публика в очереди была специфическая, никто на двух подошедших внимания не обращал. Очередь двигалась достаточно быстро. Запускали парами, продукты выдавали заранее заготовленными наборами.

Когда подошла очередь Фредди и Головина, они предъявили свои флаеры и рослый охранник неопределённого воз-

раста забрал бумаги и открыл турникет, после чего напарники прошли в небольшой ангар, где двое стоявших за прилавком служащих в синих комбинезонах с оранжевой надписью «Фудклуб» выдавали пакеты с едой.

Спустя пару минут Фредди и Головин уже оказались на улице.

– Фредди, такой здоровый и тяжёлый пакет! Что там, а? Можно я посмотрю?

– Нельзя. Примета плохая, – обронил Фредди, с невозмутимым видом шагая по выщербленному тротуару.

– А как это проявляется?

– Если дотерпеть до дому, в пакете будет что-то толковое, а если сразу залезешь, обойдёшься одной целлюлозой.

– Ты это серьёзно сейчас?

– Абсолютно. Проверено неоднократно.

Майор Локхид выглядел раздражённым. Он был срочно вызван на службу со званого обеда у очень важного человека, и когда пришёл вызов на диспикер, ему пришлось отвратительно гримасничать, чтобы показать, насколько сильно он сожалеет из-за необходимости покинуть компанию и замечательного хозяина.

Одним словом – ужас. А ведь для этого вечера он специально купил тёмный костюм с сиреновой искрой за полторы тысячи чак, притом что у них на службе официально за использование этой полулегальной валюты могли выкинуть за ворота.

Лет десять назад Генеральная компания решила поставить всё население экономической зоны под тотальный контроль и запретила использование различных... Только электронные деньги с карточек компании по завышенным ценам за каждую транзакцию.

Разумеется, люди недолго терпели это безобразие, и скоро на «чёрном рынке» и среди разного рода нелегальных дельцов стала использоваться наличная валюта – чак.

Поначалу предшественник капитана Локхида, что называется, огнём выжигал все подпольные центры эмиссии чак. Изымал валюту, карал распространителей, но спустя полтора года этой битвы стало ясно – пока существова-

ла криминальная прослойка, будут существовать наличные деньги. И тогда было решено не бороться, а возглавить.

Компания начала сама эмитировать чаки, не признавая это официально, а с криминальными центрами эмиссии было быстро покончено, поскольку криминальный мир не особо держался за этот рискованный бизнес и чаки, напечатанные Генеральной компанией, его вполне устраивали.

Одним словом, наличка ходила, а служащие компании не признавались, что регулярно ею пользовались, переводя свои легальные электронные квадры в наличные полулегальные чаки.

«Вывалил полторы штуки, и всё насмарку», – продолжал негодовать Локхид, поправляя галстук перед тем, как переступить порог Управления Безопасности.

– Ну? – спросил он, останавливаясь перед дежурным сержантом, который тотчас вскочил у себя за прозрачной перегородкой и выпучил глаза.

– Кто меня вызывал, Гаддыш?

– Ваш заместитель, капитан Лозе, сэр.

– А где он этот Лозе?

– У себя наверху. То есть у вас. Сказал, там ждать будет.

Майор сказал: «понятно» и, взбежав по ступеням, оказался на втором этаже. Потом пошёл медленнее, чтобы не топтать. Он любил заставить подчинённых врасплох, чтобы получить дополнительную возможность продемонстрировать им свою строгость.

Подойдя к двери, общей с заместителем приёмной, он прислушался. Потом медленно открыл дверь, радуясь, что она на магнитных петлях и не скрипит. Подошёл к своему кабинету и после паузы распахнул дверь.

Его встретила темнота, но затем один за другим стали включаться панели освещения, засветился монитор рабочего терминала, кресло зажужжало, принимая анатомические параметры тела хозяина.

– Эй, Кейн, я и не услышал, как ты пришёл! – прозвучал за спиной голос заместителя.

– Да, Сид, меня выдернули с тёплого местечка в вип-зале ресторана «Милена». Как тебе такое? – не поворачиваясь, произнёс майор, направляясь к своему креслу.

Это было его фишкой – умение говорить, находясь спиной к подчинённым.

Майор полагал, что так он ещё более подчёркивает дистанцию между ними.

Сказав свою весомую фразу, майор Локхид собирался, не выходя из образа, решительно усесться в кресло, чтобы потом строго и проницательно взглянуть на заместителя из-под бровей, но, вспомнив, что на нём дорогой костюм, садиться не стал.

Он лишь повернулся к Лозе и оперся рукой на стол.

– Так что же такого случилось, что меня вызвали так срочно?

– Отличный костюм, кстати.

– Капитан Лозе, давай ближе к делу.

– Ну, короче, у нас произошло неприятное событие.

– Насколько неприятное?

– Удалены спецметки. В продукте четвёртого класса.

– Ну и что тут такого, чтобы вызвать меня? Ты сегодня дежурный по управлению, у тебя есть инструкции. Выехал с группой, всех арестовал, забрал интерспеллер и разбил всем морды. И всё, сиди отдыхай, поджидай прокурора. Что не так?

– Дело в том, что спецметок удалили больше, чем обычно.

– Насколько больше?

– Все, Кейн. Все двадцать две штуки.

Майор Локхид распрямился, потом сунул руки в карманы и нашёл в правом крекер, который незаметно стащил с десертного столика в ресторане.

Он любил крекеры, но считал неприличным для себя есть их прилюдно.

– Значит, группу ты уже посылал и всех арестовал.

– Посылал и арестовал, – кивнул заместитель.

– Я бы хотел взглянуть на интерспеллер. Это какого же он должен быть размера, чтобы...

– Его не нашли, Кейн.

– Почему?

– Его там не было. Всё обыскали и вывезли каждую железку из офиса, но это всё мусор. Ворованный сервер какой-то и ещё по мелочи.

– Что говорят задержанные?

– Ничего.

– Что значит ничего? У нас в пыточной и ничего?

Майор Локхид развернулся и подошёл к капитану вплотную.

– Как это может быть, Сид?

– Ну, они, конечно, блеют что-то, но главный у них в отключке. Свалился в обморок, когда их брали, и до сих пор не пришёл в себя. Он у нас в медбоксе.

– А остальные?

– Там один наладчик-работяга и двое грузчиков. Вот и вся команда.

– Знаешь что, Сид, а ведь это чистой воды «код ноль-четыре», и ты обязан был доложить мне немедленно, как только на месте не нашлось интерспеллера. Сколько часов назад вы взяли эту команду?

– Давно уже, – опустив взгляд, промямлил заместитель.

– Сколько часов, капитан Лозе?! – рявкнул Локхид.

– Пять с половиной часов...

– Пять с половиной часов назад случилось ЧП, и ты сидишь на заднице так ровно, как будто ничего не произошло?

– Прошу прощения, сэр. Это была моя ошибка, хотел разобраться сам.

Майор кивнул и отошёл к столу. Он прекрасно понимал, что его заместитель желал в одного поднять большое дело, чтобы получить фору в карьерной гонке. Он был на восемь

лет моложе майора, но уже дышал ему в затылок.

Если бы он был обычным служакой, Локхид бы устроил ему сладкую жизнь после такого залёта, но Лозе был племянником одного туза из регионального правительства. Поэтому просто размазать Лозе было нельзя.

– Где сейчас задержанные?

– Ну, главный, я уже сказал – у дока на пилюлях. А остальные – в пыточной.

– Пойдём, будем разбираться в том, что ты успел нагородить. И теперь нужно думать, как всё подать в Главное управление. Для них твоя инициатива, Сид, станет большим сюрпризом.

Последнюю фразу майор добавил намеренно, чтобы дядин продвиженец понимал, что майор не станет никого прикрывать, а сам получит лишь то, что положено всякому начальнику за нашкодившего подчинённого.

Они спустились на первый этаж, затем ещё на два уровня вниз на специальном лифте.

В подвале было прохладно, и Сид поёжился, а Локхид снова нащупал в кармане крекер и подумал, что можно было взять ещё, ведь там была целая ваза, а красавица Вики – дочь юбиляра, как раз отвернулась. Так что хапнул бы целую горсть, и все дела.

Подойдя к массивной металлической двери с надписью «Комната интенсивного допроса», майор по привычке остановился, прислушиваясь. Изнутри не доносилось ни звука.

Тогда он открыл дверь, и они с заместителем вошли внутрь.

Сидевшие за столиком двое дознавателей тотчас вскочили. Среди бумаг и планшетов у них на столе дымились стаканчики с кофейной водой. У дальней стены зажатые в стяжках висели трое задержанных. Они уже не могли стоять, а значит, всё, что знали, уже сказали.

– Какие новости? – спросил майор.

– Сэр, либо они ничего не знают, либо тут... – отвечавший дознаватель покосился на своего коллегу. – Либо мы имеем дело с подложными личностями.

Подложными личностями пользовались на самом высоком уровне шпионской работы, перепрошивая психику человека таким образом, чтобы в определённых условиях или по сигналу он фактически становился другим человеком, с другими умственными способностями и другими профессиональными навыками.

– Неужели ни полслова? – уточнил майор.

Дознаватели снова переглянулись. Обоим был известен тяжёлый нрав начальника, и они опасались сказать что-то не то.

– Сэр, вон тот справа пару раз видел, как в офис заходил какой-то молодой человек. Остальные и этого не видели. Хозяин экономил и заставлял их работать очень много, говорят, что почти не разгибались.

– А что у них за работа, чем занимался хозяин? – спросил майор Локхид, ещё раз оценивая состояние висевших в за-

жимах пленников.

– Фасовочное предприятие. Фасовали всё подряд: от просрочки до слабых наркотиков, ничем не брезговали.

– А этот молодой человек, которого видели, он что-то приносил в руках?

– Да, сэр, мы на этом делали особый акцент, ведь интереселлера на месте не было найдено. Но допрашиваемый уверял, что посетитель приходил пустым.

Майор помолчал, раздумывая, молчали и остальные.

– Ладно, этих – в медбокс, пусть док им чего-нибудь вколет, чтобы не болтали лишнего, и развезите по адресам. Если кто по месту жительства спросит, что случилось, скажете, что грабители напали. Это, во-первых. А во-вторых, немедленно сообщить мне, как только очнётся их основной. Что по нему известно, какие сведения?

– Можно я отвечу? – шагнул из-за спины майора заместитель.

– Докладывай, – разрешил тот.

– Ахмед Муккей, было несколько приводов в полицию в связи с косвенными обвинениями. Но непосредственно на него ничего не было, поэтому отпускали. Был замечен в приятельских отношениях с полицейскими нижних чинов. Угощал их наборами продуктов, которые для фасовки приходили на его фабрику. Налоги платит, но по минимуму, чтобы только не пришли инспекторы, избегает любых лицензированных продуктов.

– Всё?

– Пока всё.

– Негусто, такое можно рассказать про половину населения города. Что ж, пойду думать, как подать всё это начальству.

Лишь оказавшись у себя в блоке, Головин с Фредди, наконец, решились посмотреть, что в этот раз перепало почитателям богатея Робина Боровского.

– А твой-то пакет действительно потяжелее будет, – заметил Фредди, когда они встали возле стола в его комнате, готовясь начать осмотр трофеев.

Сверху у них у обоих было всё одно и то же. Пара банок с пищевой целлюлозой приличного качества – себе Головин покупал подешевле. Затем по три маленьких упаковочки фруктовых чипсов, которые можно было есть сразу, а можно было залить водой на полчаса, с последующим закреплением в бытовом концентраторе. И тогда чипсы приобретали форму различных известных по фильмам фруктов, правда, цвета не всегда совпадали с оригиналами, но это было не так важно, поскольку и концентратора у Головина с Фредди не было.

Потом – поливитаминные наполнители. Их было много – по три больших упаковки. Фредди их не употреблял и обычно менял у кого-то из кадетов на препараты, а Головин такому подарку порадовался.

У него наполнители были в ходу, он совмещал их с пищевой целлюлозой, но опять же использовал более дешёвые варианты.

Потом у них нашлось по паре упаковок мясных имитаторов, продуктов почти что премиального класса, но, конечно же, просроченных. Впрочем, это не уменьшило восторгов соседей, хотя и тут требовался концентратор.

– Эх, жаль! Я такие штуки ещё ни разу не пробовал!.. – сказал Головин, разглядывая желаемый продукт через прозрачную упаковку.

– Не переживай, у меня есть пара мыслей, как сделать концентратор, – сказал Фредди.

– Сделать? Но это же непростой прибор, Фред.

– А мы весь прибор делать не будем, нам же лишь нужно повторить эффект эмульсии разнонаправленных вихрей T-поля. А у меня вон в углу три бициклера лежат от парогенераторного движка. Думаешь, зачем я всё это собираю?

Головин посмотрел в сторону, куда указал Фредди, но среди разбросанных вдоль стены запчастей и узлов с торчавшими обгоревшими проводами ничего особенного не заметил. Но Фредди виднее.

Потом были упаковки с влажными салфетками, чему теперь особенно порадовался Фредди, поскольку именно из таких он мастерил разного рода фильтры для перегонки бытовой водосодержащей жидкости в условно питьевую воду.

Головин лишь пожал плечами, подумав, что может презентовать салфетки Фредди, поскольку это он организовал весь этот праздник бесплатного угощения.

– Эй, а у меня тут ещё какой-то свёрток, – сказал Головин,

запуская руку на самое дно пакета.

Выудив увесистый свёрток, он положил его на стол, и они с Фредди какое-то время молча его рассматривали. Затем Фредди освободил стол от остальных подарков, переставив их на пол, и опустился на трёхногий стул, а Головину достался целый.

– Что там, как думаешь, Фред? – почему-то шёпотом произнёс Головин.

Сосед взял свёрток и взвесил в руке, потом положил обратно.

– Может, всё же распакуем?

Фредди вздохнул.

– Пока мы не распаковали, мы по эту сторону ситуации, а когда распакуем, обратно хода уже не будет, – произнёс он.

– Ну ты и выдал, – покачал головой Марк, – а какие у нас варианты? Обратно отнести, что ли?

– Нет, это тоже не вариант. Они же там не поверят, что мы этот свёрток не открывали.

– Да я пошутил, ты что, правда, думал вернуть это?

– Нет, пока ещё у нас есть другой вариант – выбросить не распаковывая. Тогда наша жизнь не изменится. Она у нас, конечно, не сладкий синтетик, но идёт по накатанной.

– Давай открывать, Фредди. У меня вон подработка накрылась, там двери сломали, и, похоже, Ахмед доигрался в свой фасовочный бизнес.

– А что он фасовал?

– Я не знаю, но теперь догадываюсь. За фасовку просрочки стальные дверь не вышибают. Итак, я разворачиваю.

– Это было в твоём пакете, тебе принадлежит право принимать решение.

– Я принял его, – сказал Головин и слегка дрожащими от волнения руками стал разматывать тонкий, но прочный пластик.

– Оппа... – выдохнул Фредди, когда был снят последний слой упаковки.

– Ничего... Себе... – прошептал Головин.

– Знатная вещица. Я такие только в справочниках видел.

– Что теперь будет, Фредди? Может, ещё можно выбросить это?

– Выбросить можно, но это уже ничего не изменит. Я тебя предупреждал, а теперь нужно действовать сообразно обстоятельствам.

– Но это же оружие, Фред.

– Да, оружие, – сказал Фредди, беря пистолет в руки. Потом передёрнул затвор, заглянул в ствол и, вытащив одну обойму, поменял на запасную, точно такую же – заполненную до предела.

– Тут даже производитель указан: оружейная компания «Дорсетт». Модель: «импала».

– Как ты ловко с этим разбираешься. Ты умеешь стрелять, что ли? – спросил Головин, с робостью поглядывая на пистолет в руках соседа.

– Да, умею. У нас в прошлом периоде обучения было два семинара практической стрельбы. У тебя тоже скоро будет, – сообщил Фредди, продолжая вертеть в руках оружие.

– Но это же ужас, Фред, это не лицензии ломаные покупать, за пистолет ого-го чего сделать могут.

– Согласен, совсем другая ответственность, и одним лишь вышибанием за пределы экономической зоны не отделаешься.

– Значит, выбросим?

– Нет, это было действие из той действительности – выбрасывать нужно было до распаковки. А теперь его нужно продать.

– Продать? Фредди, кому в нашем хайтауне можно продать пистолет?

Фред задумался, почесал нос и сказал:

– Здесь продавать его не стоит. Здесь никто не даст за него настоящую цену.

– А где дадут?

– Дадут там, где подобные игрушки особенно ценятся.

– А где ценятся такие игрушки?

– В среде бандитов.

– Бандитов? Разве у нас в городе есть бандиты? Ну, вот те, как в старых плоских фильмах?

– А как же. В нормальном обществе присутствуют все соответствующие пороки. Кто-то же доставляет нам всякие волшебные таблетки. Неужели ты думал аптечная сеть?

Головин кивнул. Про волшебные таблетки Фредди был осведомлён лучше многих.

– Я знаю, где толкуются те, кто может заинтересоваться подобным товаром. Сейчас мы подкрепимся премиальными деликатесами и двинем по этому адресу, – сказал Фредди и начал заворачивать пистолет обратно в пластик.

– Что, прямо сегодня пойдём продавать? – испугался Головин.

Он был не против продажи, пусть даже это было сопряжено с риском, однако для одного дня переживаний было слишком много. Он к походу за левой лицензией на ботинки почти две недели готовился – набирался решительности, а тут и поездка в сабурбане с задержанием в околотке, и афера с фальшивыми флаерами на продукты.

Потом этот пистолет на дне сумки, и теперь ещё нужно бежать к каким-то бандитам.

Это для Головина было слишком.

– Ты не торопись, – сказал ему Фредди, словно прочитав мысли соседа, – ты возьми свои припасы и отнеси к себе, а я пока соберу аналог концентратора, вернее, функциональный элемент.

Головин хотел что-то возразить, но лишь изобразил отяжелевшими руками какую-то пантомиму. Но Фредди ничего этого уже не видел, полностью погружённый в переборку железяк, которые Головину все казались одинаковыми.

Он сложил свои трофеи обратно в пакет и унёс к себе.

Поставил пакет возле стола и опустился на узкую кровать, чтобы собраться с мыслями.

Головин ждал, что вот сейчас Фредди одумается, заглянет к нему и скажет, что, дескать, погорячился и давай толкнём эту «пушку» в конце недели. Или в начале следующей.

И Фредди заглянул минут через пятнадцать.

– Ты чего тут сидишь? Пойдём, поможешь мне мясные пластины заложить, а то у меня рук не хватает – зажимы тугими получились, я их из клапанного механизма парогенератора позаимствовал.

Головин поднялся и следом за Фредди перешёл в другую комнату. Там на столе лежало нечто с проводами и пружинами. И выглядело это небезопасно.

– Так, Марк, я сейчас разожму вот эти штуковины, а ты возьмёшь мясную пластину и сунешь между ними. Понял?

– Да вроде понятно, только ты не отпусти слишком рано.

– Не дрейфь, не подведу. Ну, готов?

Головин взял одну из мясных пластин, которая выглядела как кусок облицовочного пластика и таковой же была на ощупь, понюхал её и сказал:

– Давай!

Фредди разжал стальные челюсти зажима, Головин сунул туда заготовку и едва убрал руку, как механизм хищно лязгнул железом.

– Что, страшно? – спросил Фредди и хрипло засмеялся. – Давай по-новой, осталось ещё три. Поехали...

Несмотря на опасение Головина, вскоре они «зарядили» все четыре держателя, после чего Фредди взял панельку с жёлтой кнопкой и сказал:

– А теперь, Марк, беги...

– Куда?

– В коридор. Через секунду я к тебе присоединюсь. И держи, пожалуйста, дверь открытой, чтобы я выскочил сразу.

– Подожди, объясни сначала, что происхо...

– Беги! – заорал Фред, и Головин выскочил вон, в последний момент вспомнив, что нужно держать дверь для Фредди.

Тот выскочил, дверь захлопнулась, а потом вздрогнули стены.

– Всё? – спросил Головин.

– Да, сработало, – подтвердил Фредди, и в этот момент почти одновременно в коридор вышло человек десять кадетов из других блоков.

– Фредди, это ты опять сделал? – строго спросил один из них.

– Ничего я не сделал! – возразил тот и, раскрыв дверь, юркнул в свой блок так быстро, что Головин за ним едва поспел.

А им вслед на весь коридор разносились ругательства тех, у кого зависли учебные программы или отключились бытовые приборы. Все жильцы на этом и двух смежных этажах уже знали, что к подобным проблемам был причастен именно Фредди, что было неоднократно доказано результатами

внутренних расследований.

Иногда после этого Фредди ходил с фингалами, но нечасто, он тоже мог дать отмашку.

Когда Головин и Фредди вернулись в комнату последнего, то на мгновение онемели. Под потолком будто подвешенный к осветительной панели медленно вращался шар, словно сотканный из туманных оранжевых нитей. Он был огромный, где-то метр в диаметре, и, как показалось Головину, издавал едва слышимый треск.

Вскоре огненная сфера начала тускнеть и в течение пары минут совершенно исчезла.

– Нужно проветрить, – сказал Фредди, подбежав к окну, привстал на носки и сумел дотянуться до его ручки.

В комнату потёк холодный воздух, и все очертания вокруг стали проясняться.

– Ух ты, что это было, Фред? – с запозданием удивился Головин.

– Один из вихрей вышел за границу поля.

– А не должен был? – уточнил Головин, подходя к столу, на котором лежал собранный на скорую руку узел.

Он всё ещё был горячим, как и сформировавшиеся в зажимах продукты.

– Ты там ничего не трогай, микровихри могут оставаться в продукте какое-то время! – предупредил Фредди, хлопывая оконную раму.

– А чего окно закрыл? Пусть бы ещё проветрилось, – ска-

зал Головин, продолжая с интересом рассматривать то, что у них получилось из премиальных полуфабрикатов.

Выглядело всё это необычно – какое-то красное. Таких продуктов он ещё никогда не видел.

– Нельзя окно держать долго открытым, к нему тогда следящая аппаратура легко пристреляться может.

– Это ты про шпионов водяной компании?

– Ну, и они тоже.

– А просто так через грязное окно не пристреляются?

– Оно не грязное, Марк, оно покрыто специальным раствором. Деполяризирующим.

– Правда?

Головин посмотрел на окно соседа и пожал плечами.

– У меня оно такое же. Но потому что грязное.

Фредди подошёл к столу и, достав с полки какой-то обшарпанный приборчик, поднёс к полученным продуктам.

– Порядок, вихрей нет.

Потом взял с той же полки закопчённую отвертку и, сунув её куда-то глубоко в механизм, что-то повернул, после чего все зажимы плавно отошли, высвобождая полученные продукты, которые вывалились на стол, слегка испачкав его какими-то маслами.

– Выглядит необычно, – сказал Головин, убрав руки за спину.

Эта странная еда казалась ему какой-то агрессивной на вид. Не то что целлюлозные таблетки и гранулы для фермен-

тации.

– Скорее, они похожи на гигантские «палочки Шепарда», бактерии, возбуждающие что-то там. Забыл уже. Рубежный зачёт давно сдавал.

Фредди взял оставшуюся упаковку и снова стал читать сопроводительную информацию.

– Ага, вот. На самом деле, это называется «сосер... джи». Тут затёрто. А, вот есть. «Сосински».

– Странное название для пищевых компонентов, – заметил Головин, продолжая с подозрением рассматривать полученные продукты.

– Будешь пробовать? – улыбнувшись, спросил Фредди.

– Буду, но после тебя.

– Хорошо, – согласился Фредди, взял одну из странных красноватых палочек и, смело откусив примерно треть, стал разжёвывать. При этом выглядел очень напряжённым.

– Ну как? – спросил Головин.

Фредди не ответил, продолжая судорожно пережёвывать. Наконец, он проглотил продукт и облегчённо выдохнул.

– Ну, чего молчишь-то?

Фред вытер проступившие слёзы и встряхнул головой.

– Очень насыщенный вкус. Прямо резкий. И калорийно очень, я прямо насытился весь.

Головин с сомнением посмотрел на премиальный продукт, потом – ещё раз на Фредди, доставшего из запасов условно питьевую воду и принявшегося её жадно пить.

– Ладно, нужно же узнать, на что люди такие бешеные деньги выбрасывают, – сказал Головин и, взяв со стола начатую соседом палочку, откусил примерно ещё столько же и принялся жевать.

Он сразу почувствовал, как от мощного вкусового удара каких-то сумасшедших специй – острых, солёных и сладких – деревенеет его язык. Пряные ароматы ударили в нос и выдавили слёзы. Головин кое-как прожевал и, едва сдержавшись, чтобы не выплюнуть и предстать перед Фредди слабаком, всё же проглотил странный сублимат, и его тотчас передёрнуло.

– Ну, и как тебе? – спросил Фредди.

– Всё... Всё, как ты сказал.

– Думаю, доедать мы это не будем. Но я уже знаю, кому это впарить. А теперь пора выдвигаться. Нам тут идти полчаса, и уже скоро темнеть начнёт. Это хорошо.

– А чего же хорошего?

– Важно, чтобы нас не запомнили в лицо.

– А если запомнят? – сразу насторожился Головин.

– Ничего страшного, мы с ними в разных кругах вращаемся. Но лучше, если не запомнят. Разворачивай пушку, я сделаю трёхмерный снимок.

– Зачем?

– Для предварительных переговоров. Если сразу железку показать, могут дать по башке и отобрать. А так я лишь предъявлю рекламный проспектик, и взять с меня больше

нечего.

Головин развернул свёрток, и Фред сделал несколько снимков своим диспикером, таким же потёртым, как все его гаджеты, но и столь же неожиданно эффективным.

Потом он показал Головину все варианты и спросил:

– Какой лучше?

– Мне кажется, второй лучше остальных получился.

– Я тоже так думаю, – согласился Фредди.

Уже через десять минут они оказались на широком крыльце хайтауна, где Фредди встретил малознакомого Головину кадета.

– Привет, Брукс! – сказал Фредди, останавливаясь.

– Привет, чувак.

– Есть тема для платёжеспособного кадета.

– Я весь внимание, чувак, – кивнул Брукс и выпустил в сторону облако сизого дыма.

Он умел курить какую-то натуральную траву и очень этим гордился, поскольку позволить себе такое могли лишь единицы кадетов в школе.

– Короче, Брукс, премиальные продукты. Самый свежак, и часть уже раскрыта в концентраторе индивидуальной сборки.

– Вау, чувак! Я уже заинтригован! – воскликнул Брукс и, затаившись из какой-то коробочки, снова выпустил дым.

– Ты ведь ходишь к женщинам, Брукс.

– О да, чувак, и они меня обожают!

– Ну, тогда это твой товар. Я прав?

– Ты трижды прав, чувак. Набери меня попозже, обсудим.

На этом они распрощались, и Головин с Фредди продолжили путь.

– Думаешь, спихнуть ему эти мясные палочки?

– Конечно. Он мой постоянный покупатель. Если что-то где-то непонятное, он всегда купит. Денег у него навалом, а понтов – ещё больше.

– А чем он так дымит, ты не знаешь?

– Это, брат, да – настоящая натуральная субстанция. Чего-то там растят, сушат и всё такое. Цены запредельные.

– А ты пробовал? – спросил Головин.

– Ну-ка стой, – прервал его Фредди и направился к художественной экспозиции из пластобетона, которая стояла метрах в ста от их хайтауна.

Экспозиция изображала натуральную природу, деревья, лианы и каких-то птиц. Однако поставлена здесь она была давно, когда строили хайтауны, и с тех пор за ней никто не ухаживал, отчего некоторые части отделились от общей композиции и завалились друг на друга.

Получилось что-то вроде бетонопластиковых джунглей.

Иногда кадеты заходили в эти джунгли, чтобы пересидеть последствия перебора с таблетками, иногда отлить, если приспичило. Однако было у неё и другое предназначение, придуманное пытливыми умами Водяной компании. На «ветках» композиции время от времени размещалась шпионская аппаратура, с помощью которой инспекторы компании выявляли тех, кто выставлял в окно на ночь адсорберы для сбора воды из воздуха и тем самым нарушал законную монополию компании.

Намётанный глаз Фредди сразу обнаружил вражеские

устройства, и, взобравшись по конструкции, он снял три гаджета, вывернул из них какие-то элементы и объявил приборы обезвреженными.

Потом сунул в потайное место на той же конструкции, сказав, что подберёт трофеи на обратном пути.

– Так куда мы идём, Фред? – спросил Головин, которого приближение новых приключений беспокоило не на шутку. Это не флаеры подделывать, это торговля оружием, да ещё с кем! Прежде Головин никогда не видел настоящих бандитов вживую.

– Торговую площадку возле заброшенной трансформаторной станции знаешь?

– Издали видел. Там мусор какой-то.

– Там не только мусор, там творятся тёмные дела, приятель.

– А каков наш план? То есть сначала ты пойдёшь показать рекламу...

– Да, именно так.

– А потом?

– Потом – как пойдёт. В таких делах планировать бесполезно. Разве что для собственного успокоения, – невозмутимо ответил Фредди.

Уже начинало темнеть, и следовало смотреть под ноги, потому что они уже передвигались по территории, куда редко наведывались городские уборочные автоматы.

Прежде здесь располагались производственные корпуса

каких-то фабрик, потом производство перенесли, а территорию собирались облагородить и понастроить разных полезных зданий, но время шло, и руки городских властей и спонсоров Генеральной компании до благоустройства бывшей промышленной зоны так и не дошли.

Пару раз попадались какие-то подозрительные личности, но оба раза они здоровались с Фредди, как со старым знакомым. На вопрос Головина, кто это, Фредди отмахивался, говоря:

– Да так, пару раз пересекались.

Наконец, они подошли к площадке, о которой говорил Фредди. За кучами мусора, оставшегося от разваленного здания, на расчищенной площади стояло несколько автомобилей, на временных мачтах горели фонари, звучала негромкая музыка.

Слышались голоса, иногда смех. Можно было различить человек двадцать, которые стояли группами и разговаривали.

– Что они тут делают? – шёпотом спросил Головин.

– Дела решают.

– Ну и что, ты вот так прямо пойдёшь к ним? Неужели не страшно?

– Есть немного, – признался Фредди, – но давай всё же набросаем план.

– Давай, – согласился Головин, – хотя бы, как ты сказал, для внутреннего спокойствия. А то я неспокоен. Внутренне.

– Значит, я иду, отзываю кого-то, показываю рекламу, договариваюсь о цене, но говорю, что товар не у меня, поскольку боюсь обмана с оплатой.

– Пока всё правильно, – кивнул Головин, чувствуя, что его начинает трясти то ли от вечерней прохлады, то ли от предстоящей операции.

– Я указываю ему место, на которое нужно принести деньги в обмен на товар. Он приходит один – это моё условие, и мы совершаем обмен.

– Он должен оставить деньги...

– Что?

– Он должен оставить деньги в каком-то месте, потом вы идёте за пистолетом. Ты отдаёшь ему товар, и вы вместе возвращаетесь, чтобы ты забрал деньги.

– Если у него будет пистолет, а к тому же у него и свой будет, в этом я не сомневаюсь, он не отдаст мне эти деньги.

– Правильно, – трясаясь всё сильнее, закивал Головин, – так он и подумает, но деньги заберу я, пока ты будешь передавать ему товар. Поэтому у них из этого обмана ничего не выйдет.

– Толково придумано, Марк! – восхитился Фредди. – Сразу видно, что тяжёлые препараты тебя не прельщают. И правильно делаешь. Ну что, пойдём прятать пистолет. Я вон там, в развалинах, знаю подходящее место. А потом – по плану.

И они пошли вокруг руин, чтобы добраться до знакомого Фредди места. Идти пришлось по кускам битого пластобе-

тона, и Головин беспокоился о состоянии своих ботинок.

Наконец, напарники достигли нужного места, правда, едва не наступили в дерьмо, которого здесь, как оказалось, было достаточно, ведь на площадке никаких туалетов не было.

– Вот про это я как-то не подумал, – признался Фредди, двигаясь первым и подсвечивая себе фонариком диспикера.

В конце концов, место для закладки товара было найдено, Фредди положил свёрток, и напарники перешли в следующее помещение, имевшее проломы в трёх стенах из четырёх.

– Это очень удобно, поэтому деньги предварительно будут оставлены здесь, ну вот хотя бы тут, – Фредди шагнул к стене и указал на выбитое в ней углубление.

– Трансформатор выдирали. Там лития много, – пояснил он между делом.

– А я где бу... Буду? – спросил Головин, совсем не справляясь с бившей его крупной дрожью.

– Не трясись, всё будет в порядке. Вон там, за колонной, и встанешь, и как только мы уйдём за товаром, заберёшь деньги и подашь мне знак.

– Какой?

– Крикни что-то. Только не зови меня по имени, не упоминай кадетов или школу. Чтобы поменьше хвостов от нас тянулось, понял?

– Тогда я просто крикну: «у-у-у!»

– Годится. Ну всё, ты прячься, а я выдвигаюсь.

С этими словами Фредди вышел через тот пролом, что

был справа, и отошёл ещё метров на двадцать, чтобы не выдавать заранее предусмотренное место.

Когда он появился на освещённом пятачке, его заметили и разговоры стихли. Все с интересом смотрели на приближающегося незнакомца.

Головину всё было хорошо видно и слышно. Затаив дыхание, он ждал развязки. Такой всегда надёжный и уверенный Фредди на фоне здоровенных бандитов выглядел совершенно неубедительно.

Между тем Фредди вышагивал по обломкам пластобетона и срочно решал задачу, к кому подойти. Объявлять своё предложение для всех было бы глупо, поэтому он решил выбрать главаря. Того, кто здесь всем управляет. Покупка оружия – задача не для рядового состава, тут требовалось участие главного лица. Но кто это главное лицо?

Следовало поскорее принимать решение, поскольку бандиты уже смотрели на него и наверняка не думали при этом ничего хорошего.

Наконец, Фредди сделал свой выбор. Вон тот, невысокий и не такой широкоплечий, как другие. Остальные стояли возле него полукругом, и никто не пытался притереться поближе.

«Точно, это он», – подумал Фредди и под взглядом двух десятков пар глаз подошёл к группе бандитов, которые невольно расступились, удивлённые уверенностью незнакомца.

А Фредди, поймав на себе взгляд главного, чуть заметно повёл головой, приглашая того отойти в сторону.

Это была величайшая дерзость, поступи так кто-то из знакомых, но Фредди был неизвестным лицом, статус которого оставался неизвестным.

Главный переглянулся со своими ближайшими помощниками и, выйдя из круга, подошёл к Фредди.

– Я по поводу вот этой темы, – сказал тот и показал диспикер, на экране которого во всей красе крутился их с Головиным трофей.

– А чего он сам не пришёл? – спросил главный, буравя Фредди пристальным взглядом.

– Приболел. Чернушки перебрал.

– Чернушки? Он же всегда на «белом» сидел.

– Пожадничал.

– Это на него похоже. Цена какая?

– Обычная, – продолжил игру Фредди.

– А ты знаешь, что он мне должен?

– Так он и мне должен. Если бы не срочное дело, я бы подождал, он обычно отдаёт. Но тут ситуация – край, вот и вписался в эту торговлю, а это не моя тема.

– Товар с собой?

– Не, я опасуюсь пока. Пошли человечка с баблом, мы с ним в сторонке обменяемся.

– А ты не кинуть меня хочешь? Ты хоть назовись.

– А чего мне обзывать, ты обо мне не слышал, а я о тебе

много слышал. Поэтому кидать тебя – это не вариант.

– Постой здесь, – сказал главный и отошёл к своим. Он о чём-то переговорил с двумя из них, потом одному что-то дали – видимо, деньги, и тот, сунув их в карман, подошёл к Фредди.

– Ну что, пойдём обмен делать, начальник, – произнёс бандит, оскалив зубы, и Фредди показалось, что там одни клыки.

Бандит был на голову его выше и, несмотря на ухмылку, выглядел весьма зловеще.

Даже главный не показался Фредди таким опасным. Но делать было нечего, и он повёл бандита к руинам – тому месту, откуда вышел.

– Далеко, что ли, ствол затарил? – спросил бандит, когда они стали пробираться по закоулкам, где Фредди подсвечивал диспикером.

– Да не, тут совсем рядом. Ещё немного.

– Чо, так сильно дрейфишь?

– Непривычная тема, вот и боюсь.

– А по жизни ты кто?

– По жизни я электронные приблуды собираю.

– Конкретная тема. На такое у нас спрос.

– Я знаю, – сказал Фредди, останавливаясь в помещении, где они с Головиным условились умыкнуть деньги.

– Пришли, показывай бабло, – сказал Фредди.

Бандит вытащил из кармана свёрток и развернул его, по-

казав пачку чаков.

– Годится, клади в ямку и пойдём за угол ствол брать, – сказал Фредди, чувствуя, что всё это звучит как-то глупо.

– Зачем это?

– Затем, что опасаясь, что ты мне потом бабло не отдашь.

Бандит в одно мгновение выхватил свой пистолет и приставил к голове Фредди.

– Давай ствол, сука, иначе прямо здесь ляжешь!..

И он поволок Фредди к пролому, на который тот невольно кивнул, когда выставлял условие передачи денег.

– Ну что, тут ствол? – спросил бандит, крепко держа Фредди, когда они оказались в помещении, где был спрятан пистолет.

– Тут он! Я тебя вычислил!

Бандит захохотал, радуясь своей проницательности.

– Если не отпустишь меня, Корявый тебе башку прострелит. Он прямо сейчас в тебя целится из темноты, – сказал Фредди.

– Гонись... – произнёс бандит, но как-то не очень уверенно, и хватка его слегка ослабла.

– Корявый, подай голос!

– У-у-у! – прогудел Головин, и эхо этого звука заметалось по разбитому зданию. Получилось очень убедительно, и бандит совсем отпустил Фредди, принявшись осматриваться.

– Не старайся, всё равно не увидишь, – сказал Фредди и, в открытую достав из тайника пистолет, развернул его и по-

светил диспикером, чтобы бандит убедился в целостности товара.

– Забирай и давай бабло.

Бандит беспрекословно повиновался. Теперь движения его были суетливыми, поскольку он затылком чувствовал, как пистолет Корявого отслеживает из темноты каждое его движение.

Отдав товар, Фредди забрал деньги и убрал в карман.

– Пересчитывать не будешь? – спросил бандит.

– А зачем? Я же знаю, где тебя найти. Ну, бывай.

И с этими словами Фредди вышел в боковой пролом, погасив фонарик на диспикере и надеясь, что не наступит в дерьмо.

Далеко уходить он не стал и затаился, чтобы тишиной нагнать на бандита ещё больше жути. Он дождался, пока тот, спотыкаясь, выберется из руин и негромко позвал:

– Марк...

– Я здесь, – отозвался Головин.

– Валим отсюда, пока они не очухались.

Головина уговаривать было не нужно, сидя в засаде, он уже натерпелся такого страха, что теперь торопливо перебирал по строительному мусору ногами, вовсе не заботясь о состоянии своих ботинок.

Наконец, руины остались позади, и напарники перевели дух.

– Ну ты и закрутил сюжет, Фред! Я почти всё слышал, как

ты с их главным разговаривал. Ну ты и крут! – возбуждённо заговорил Головин, то и дело оглядываясь на фонари у площадки.

– Само как-то получилось, – признался Фредди, – а страшно стало, когда этот бандит мне пистолет к голове приставил. Вот тут я струхнул, поняв, что план-то наш не безупречен. Хорошо, что Корявый помог.

Они рассмеялись.

– Эй, весёлые, ну-ка подошли сюда! – прозвучал вдруг из темноты грубый голос, и Фред с Марком от неожиданности остановились.

– Сюда подошли, я сказал, – повторили из темноты, и стал заметен массивный силуэт хозяина неприветливого голоса и ещё несколько других силуэтов.

«Попались! – подумал Головин. – Ну вот и всё!»

И они с Фредди, оба на ослабевших ногах двинулись к группе каких-то агрессивно настроенных субъектов.

Фредди подумал, что хорошо бы скинуть деньги, ведь это была сейчас серьёзная улика. А Головин совсем ничего не думал, он держался за товарища, чтобы не упасть.

Незнакомец шагнул им навстречу и показал яркий экран диспикера последней модели.

– Вот этих знаете? – спросил он.

Головин пригляделся, и его стало тошнить. Это было видео с камеры наблюдения где-то возле ангара, где они сегодня затаривались продуктами. На этом видео шагали они с

Фредди – счастливые, с полными пакетами.

– Ну, знаете их?! – с угрозой в голосе повторил незнакомец.

– Не... Пе... Первый раз вижу, – промямлил Головин.

– Эй, да я их знаю, – бодро вмешался Фредди, – только что на Корде видел, они там сделку обсуждали с местными пацанами. Смеялись все, говорят, лохов каких-то обули.

– А я говорил тебе, Леон, это их подстава! – раздалось из темноты.

– Пора предъявить им, Леон! – поддержал коллегу ещё один человек.

– Валите отсюда, – коротко бросил Леон, и Фредди с Головиным засеменили прочь. А в противоположную сторону двинулась большая группа людей. Слышно было их дыхание, топот и лязг затворов.

– Бежим, Марк! Бежим, сейчас начнётся! – крикнул Фредди и дёрнул Головина с такой силой, что тот едва не упал.

Напарники успели пробежать метров шестьдесят, когда послышались выстрелы.

Сначала частые одиночные, потом застучали автоматы и захлопали взрывы гранат. Это заставило прибавить скорости, и теперь Марк с Фредом неслись, едва касаясь земли. А когда они выскочили на «обитаемую» территорию, с нормальным уличным освещением и ровными тротуарами, им встретилась целая вереница полицейских машин во главе с лёгким броневиком.

А над машинами, прикрывая с воздуха, летели вооружённые дроны в полицейской раскраске.

Чтобы не бросаться в глаза, напарники перешли на шаг и, тяжело дыша, отводили взгляд от попадавшихся навстречу знакомых. Но до них никому не было дела – все, кто находился на улице, были поглощены этим полицейским парадом.

12

Оказавшись у себя в блоке, Фред с Марком наконец перевели дух. Головин сразу снял ботинки, обулся в лёгкие стоптанные туфли, заменявшие ему тапочки, и решил умыться, не побрезговав прополоскать рот водосодержащей жидкостью.

Прежде он ею только мылся.

После всех этих процедур, посвежевший, он зашёл в комнату Фредди и сел на целый стул, в то время как сосед валялся на койке.

– Ты как, Фред, в порядке?

– Время ускоряется, Марк...

– Чего? – не понял Головин. Фредди часто произносил непонятные и странные фразы.

– Я это чувствую. Время ускоряется, и события вокруг начинают сжиматься, концентрироваться, спрессовываться.

Понимаешь меня?

– Нет, – признался Головин.

– Я не удивлён, – сказал Фредди. Потом спустил ноги в ботинках на пол и стал разуваться, после чего прошёлся по комнате в носках – никаких тапочек он не признавал.

– Давай уже посмотрим, из-за чего мы рисковали, – предложил Головин.

– Вон – на столе. Смотри.

И только тут Головин заметил свёрток упаковочного пластика, почти такого же, в какой был завернут пистолет.

– А ты сам посмотреть не хочешь? – спросил Головин, начав разворачивать пакет слегка подрагивающими руками.

– Время сжимается, Марк, – повторил Фредди и, подойдя к столу, сел на трёхногий стул.

– Что-то тонковатая пачка, – заметил Головин, продолжая разворачивать свёрток.

Наконец, показались деньги. Это были ассигнации по пятьсот чаксов. Головин пересчитал – их оказалось сорок штук.

Головин пересчитал ещё раз, всё ещё на веря, что держит в руках двадцать тысяч. Пару раз ему приходилось видеть сотенные купюры, но про пятисотенные он только слышал.

– Фредди, мы богачи, – свистящим шёпотом произнёс Головин, чувствуя, как весь погружается в жар.

– Ну да, – кивнул напарник.

– Я теперь смогу... Я куплю нормальную лицензию на ботинки, Фред! Да что там лицензию, я куплю новые ботинки вместе с лицензией!.. А ты?

– Не знаю, – пожал плечами сосед, – даже не знаю, что можно пожелать. С таких денег сторчатся можно, это факт.

– Да не обязательно покупать таблетки, Фред. Начинай уже пить нормальную воду из магазина. Купи себе настоящий компьютер вместо самодельного терминала. Опять же – лицензионные ботинки.

– Приборчики забыли, – произнёс Фред.

– Чего?

– Шпионские гаджеты водяной компании, которые я снимал с композиции. Я же их припрятал. А забрать забыл.

– Завтра заберёшь.

– Это да. Я вот что думаю, Марк. А давай-ка мы мягко так накатим?

– Нет, я химию только под рубежные зачёты пользую.

– А мы не химию.

– Алкоголь?

– Да, алкоголь, причём полусинетик.

– Но это же дорого... Ах да, мы же теперь можем себе позволить.

– Вот именно. Я тут на тридцать восьмом этаже одного шинкаря знаю. У него имеется всё, что нужно, причём качество он не бодяжит. Сейчас метнусь, и мы отметим.

Накануне, около двух часов ночи, начальнику полиции города пришли окончательные сводки по операции в районе «бывшей промышленной зоны номер два».

Выглядело всё очень впечатляюще – восемь задержанных, оружие, принтеры трёх- и четырёхзначных голограмм, которыми защищают официальные документы, и много чего по мелочи.

Не откладывая в долгий ящик, начальник полиции лично промучился два часа над отчётом, чтобы сделать его красивее, и в начале четвёртого утра отправил вышестоящему начальству.

После этого довольный собой полковник вызвал дежурную машину и уехал домой, где проспал до десяти утра, пока его не разбудил звонок начальства.

– Ты почему дома, полковник? – строго спросил генерал из округа, и полковник вскочил с кровати, встав по стойке смирно прямо в пижаме.

– Прошу прощения, сэр, работал всю ночь, сейчас как раз собирался выехать на службу, – доложил начальник полиции и подумал, что генерал, наверное, не читал его победных репортажей, потому и сердитый. Наверное, стоило ему намекнуть, чтобы спросил у секретаря. Но как? Как бы не вышло хуже.

– Читал я твою писульку. Ну, хорошо, конечно, что как-

то там ещё сучите ножками, хотя профилактическая работа, конечно, завалена. Экие вы там бандитские команды вырастили, что они у вас войны устраивают.

Полковник сник. Не этого он ожидал услышать от генерала.

– Ладно, это теучка, полагаю, как-то справитесь, да и в показатели всё это засунуть можно. Одним словом – сгодится. А вот коммерсанты, хозяева вашей территории, жалуются, что от вас никакой помощи. Что, дескать, полиция самоустранилась, а мы, дескать, налоги платим.

– А что не так, сэр? Когда они просят, мы их всегда поддерживаем, когда надо, усиливаем их службу безопасности своими сотрудниками.

– Ты немного не догоняешь, полковник. Тут такое дело – у нас через две недели отчётность перед ого-го какой комиссией. Помнишь, надеюсь?

– Так точно, сэр!

– Нам не хватает показателей, как мы помогаем коммерсантам бороться с нарушителями лицензионного законодательства.

– А, ну так мы это исправим, сэр! Я сегодня же дам указание, и мы начнём...

– Да подожди ты, не перебивай. Начнут они. Это должно быть сделано вчера, понимаешь?

– А... Как же сделать, чтобы вчера, господин генерал?

– Ну, полковник, что ты как ребёнок. Поднимите архивы,

пройдитесь мелкой, так сказать, гребёнкой. Короче, с тебя пятьдесят случаев помощи по лицензионному праву, понял?

– Так точно, сэр!

– Даю три дня, действуй.

Связь прервалась, и полковник ещё минуту стоял по стойке смирно, постепенно приходя в себя.

Это был неприятный удар. Он рассчитывал на похвалу, а получил по заднице.

– Милый, ты с кем там разговариваешь? – крикнула из столовой жена.

– С кем надо, – буркнул полковник и стал набирать номер городского дежурного.

– Дежурный лейтенант Дроун, слушаю вас.

– Лейтенант, это полковник Смоллет.

– Я узнал вас, сэр!

– Ладно врать. Ты вот что скажи, наши айтишники на службу пришли?

– Пришли, сэр. Но только четверть часа назад, – со злорадством доложил дежурный. Айтишников в Управлении не любили из-за того, что у них было много льгот и послаблений.

На построение они не ходили, на политсобрании их тоже было не найти и на службе появлялись когда вздумается.

Да ещё и внешний вид был как после пьянки. Всегда какие-то помятые.

Правда, случалось айтишники сидели на службе сутками,

питаюсь чипсами, но этого личный состав старался не замечать. Не любить айтишников в Управлении было модно.

Одной рукой снимая куртку пижамы, другой – полковник ухитрился набрать номер «кибернетического отдела».

У него имелись номера и личных диспекеров обоих специалистов, но он предпочитал им не звонить, поскольку они обычно на ходу торопливо сыпали какими-то незнакомыми терминами, и полковнику, чтобы не показаться тупым, оставалось отвечать «так-так, понятно» или «я так и думал». А потом ещё раз всё выяснять через помощников.

Поэтому лучше было застать их на месте, чтобы быть уверенным, что они говорят по стационарному аппарату и не занимаются в этот момент ничем посторонним.

– Алло, Лембит?

– Ленгарт, мистер Смоллет, доброе утро.

– Ленгарт, вы не могли бы поднять из архивов видеонаблюдения где-то пятьдесят случаев нарушения лицензионного права.

– Ну, мы сейчас завтракаем, а потом – конечно. Этого дерьма в архивах достаточно.

– Отлично, буду вам благодарен, – сказал полковник в завершении и положил трубку.

– Буду вам благодарен! – передразнил он самого себя, кривляясь. – Тьфу, гадость...

– Эдгар, с кем ты говорил? – спросила вошедшая в спальню супруга.

– Это по работе, Эмма, – буркнул полковник, путаясь в пижамных штанах. Он бы действовал половчее, не будь этого живота, как двадцать лет назад.

– Опять болтал с этой сучкой? – уточнила супруга, подходя ближе и стараясь заглянуть мужу в глаза.

– Она не сучка, Эмма. Она референт! И вообще, она уже уволилась.

– Точно уволилась?

– Точно.

– Я проверю, Эдгар.

– Проверяй, – буркнул полковник и, швырнув пижамные штаны в угол, направился в ванную.

К полудню он уже оказался на службе и, войдя в кабинет, обнаружил на столе планшет со всеми найденными случаями нарушений лицензионного права.

– Так-так, – произнёс полковник, садясь в кресло, – и скока всего?

Он нашёл статистику, и она его порадовала: сто двадцать три случая, а генерал ему заказал полсотни.

– Отреагируем на шестьдесят, – сказал себе полковник, – а то, если сделать сотню, в следующий раз потребуют полторы сотни. Знаем, проходили.

Углубившись в дальнейшее изучение отчёта аййтишников, он обнаружил, что сорок с лишним случаев нарушений были зафиксированны задним числом, после того как к лицензионной защите пришёл новый патч от компании-производи-

теля программирования.

Таким образом, тот, кто прежде проскочил с нарушениями как легальный пользователь, после установки новой программной заплатки превратился в пирата. Кроме того, просмотрев разбивку по категориям, возрастным и социальным, полковник обнаружил, что большинство нарушений были совершены кадетами навигаторской школы.

– Эти поганцы мне в городе всю статистику портят! – воскликнул он и ударил кулаком по столу. – Вот вас-то и прижучу в первую очередь!..

Дверь в кабинет приоткрылась, и показался нос сержанта, который теперь был у полковника секретарём-помощником.

– Сэр, вы меня звали?

– Не звал. Но постой, – полковник вздохнул, вспомнив, как ещё совсем недавно к нему заглядывала золотоволосая Лили, которую Эмма называла «эта сучка».

– Постой, немедленно собери мне всех начальников отделов и завсекторами.

– К вам в кабинет?

– Да, в кабинет. Хотя постой, давай сгоняй их в актовЫй зал, и пусть кроме начальства будут все свободные от выездов, весь личный состав.

– Как назвать мероприятие, сэр?

– Назовём это срочный шорт-ап по текущему вопросу.

– Понял, сэр. Уже бегу!

В начале второго часа дня начальнику службы безопасности Генеральной компании города – майору Локхиду, позвонил свой человек из полиции. Он занимал там небольшую должность, однако был достаточно информированным, чтобы доносить обо всех важных мероприятиях городской полиции.

Разумеется, ему за это неплохо платили.

– Это я, сэр, Пересмешник.

– Привет, Пересмешник, давно тебя не было слышно. Я уж было подумал...

– Не было новостей, сэр. А вот сегодня всё Управление буквально бурлит. Сверху пришёл нагоняй, и Смоллет роет носом землю, будут проводить рейды для выявления нарушителей лицензионного права.

– О, так это прямо реальная для нас помощь, придётся выставить полковнику что-то дорогое покурить.

Агент вежливо хихикнул.

– На этом пока всё, сэр. Позже доложусь по результату акции со всеми подробностями.

– Ну, давай, не пропадай, Пересмешник.

Майор Локхид откинулся в кресле, обдумывая услышанное. Он прикидывал, что можно предпринять, чтобы эффект от полицейской операции был выше и Генеральная компа-

ния получила больше выгоды. А, стало быть, и он, начальник службы безопасности, не остался в накладе.

Неожиданно дверь его кабинета распахнулась и в неё влетел заместитель капитан Лозе. Его лицо было красным, глаза блестели.

– Док сказал – пациент очнулся!.. Что-то бормочет, но уже связно!..

– А почему он мне не позвонил? – воскликнул Локхид, вскакивая.

– Да он и мне бы ничего не сказал, если бы я его случайно на этаже не встретил. Он полагал, что нам нужен пациент с полной ясностью суждений, прикинь?

– Ладно, пойдём разбираться. Дока можно понять, он постоянно в каких-то своих фантазиях и экспериментах. С одной стороны, это хорошо, он на острие науки, а с другой... – Локхид выпустил заместителя, вышел сам и закрыл дверь кабинета. – А с другой стороны, нам с ним нужно быть внимательнее и правильно расшифровывать, что он имеет в виду.

В коридоре к Локхиду подбежал старший оперативник с планшетом в руках.

– Сэр, вы просили сведения по объекту «ноль-восемнадцать», я принёс самые свежие.

– Там что-то срочное?

– Нет, сэр.

– Тогда через час, у меня сейчас неотложное дело.

Они с заместителем спустились на минус второй ярус и

почти бегом добрались до дверей медицинского бокса.

От того, что расскажет пациент, зависело очень много, ведь пока ещё Локхид не доложил о масштабе проблемы, сказав, что уровень нанесённого ущерба выясняется.

Разумеется, начальство его отчитало, были угрозы и требования, а также был поставлен крайний срок внесения ясности – трое суток. И хотя Локхид понимал, что начальство едва ли выполнит даже треть от озвученных угроз, узнавать, сколько и какие именно, он не хотел.

Он потянул за ручку двери, и они с капитаном Лозе вошли в небольшой шлюз. Едва дверь за ними закрылась, включились аэрационные фильтры и дезинфицирующие лампы. Процедура продлилась полминуты, и за это время Лозе успел дважды чихнуть.

– Аллергия на электроозон, – виновато пояснил он покосившемуся на него Локхиду.

Наконец, дверь в сам бокс была разблокирована, и они оказались в небольшом помещении с четырьмя кроватями вдоль стен с подведёнными к ним необходимыми магистралями, оптоволоконном и защищённой электрошиной.

На одной кровати, обставленной приборами и утыканной проводами и трубками, лежал важный свидетель, а ещё одна кровать была смята – на ней чаще всего спал сам док, когда оставался в боксе на ночь, следя за пробирками и экспериментальными ёмкостями.

Сейчас он сидел на медицинской табуретке и листал блок-

нот, сверяясь с показаниями, снятыми с приборов ранее.

Док не любил планшеты, и если была такая возможность, доверял свои записи натуральной бумаге из гиперсинтетической целлюлозы.

– Доктор Бернс, у вас есть новости? – спросил Локхид и в первые мгновения не понял, слышит его док или нет.

– Да, некий позитив имеет место... – немного нараспев, ответил врач и лишь потом поднял глаза на начальника службы безопасности.

– Он может говорить?

– В обычном смысле – нет, не может. Был слишком сильный стресс, и его организм пока не может преодолеть его последствия.

– Но вы говорили о... – майор повернулся к заместителю.

– О бессвязной речи, – подсказал тот.

– Да, о бессвязной. Возможно, нам пригодится даже такая информация. Вы можете вывести его на такой контакт?

– Да, я могу его вывести на контакт с помощью вот этого электроинициатора. Всего один разряд – и он выйдет в состояние медикаментозного сознания второго рода.

– Давайте, док. У нас нет выхода.

– Как скажете, господа. Присаживайтесь, так вам удобней будет.

Локхид и Лозе, не сговариваясь, бросились к стоявшим у двери тяжёлым медицинским табуреткам и, подтащив их поближе к кровати свидетеля, сели, с интересом наблюдая за

манипуляциями доктора.

– Так, я увеличиваю на полмиллилитра расход стимулятора... Даже лучше двух стимуляторов, – начал пояснять он свои действия.

– Обратите внимание, я подкрутил вентили и жидкость побежала быстрее. Синенькая и жёлтая. Теперь исследуем обратную реакцию вот по этому экрану. И мы видим, что появились максимумы, пока небольшие, мы будем дожидаться явного экстремума, чтобы подать разряд.

Казалось бы, пришедшие вовсе не затем Локхид и Лозе, зачарованно глядели на струящиеся по прозрачным трубкам разноцветные жидкости, на мигание на аппаратуре индикаторных огоньков и на «бегущие максимумы» на экране, которые, по мнению дока, всё ещё недотягивали до нужного экстремума.

– А вот и экстремум, дети! – торжественно объявил доктор, указывая на выскочившую на графике макушку. – Слегка убавляем подачу стимуляторов и производим разряд. Бац!

Тело пациента дёрнулось, и он открыл глаза.

– Он пришёл в себя! – обрадовался Лозе.

– Нет, господа, это так называемая медикаментозная бодрость, теперь вы можете задавать ему вопросы, но отвечать вам будет не сам пациент, а его подсознание. Итак, начинайте, у вас не более пяти минут.

– Как нам лучше к нему обращаться? – понизив голос, спросил Локхид.

– Просто задавайте вопрос, подсознание, в отличие от прямого сознания, вас сразу поймёт.

– Как вас зовут... Э-э... Пациент?

– Кнут Анахайм... – еле слышно пролепетал тот, тараясь в потолок. Предупредительный док тут же подкрутил настройки звука, чтобы было погромче.

– Но мальчишки в школе прозвали меня «Ахмед»... Со временем это стало моим новым именем...

– Чем вы занимаетесь, мистер Анахайм?

– Моя мамочка звала меня Кнутти... – пролепетал пациент.

– Мне повторить вопрос? – шёпотом спросил у доктора майор Локхид.

– Не нужно, просто он немного притормаживает.

– Я бизнесмен, у меня небольшая фасовочная фабрика на улице Лоуренс, двадцать четыре...

– Скажите, Анахайм, кто у вас занимался компьютерным обеспечением. Какая компания?

– Плохая компания... Мальчишки меня дразнили, кричали, что толстый... Плохая компания...

Локхид бросил взгляд на доктора, тот сделал успокаивающий жест, дескать, терпение, сейчас всё будет.

– Никто не занимался... Я купил ворованную технику... Недорого...

– Кто вёл бухгалтерские расчёты?

– Я вёл... Бухгалтерские расчёты...

– И больше никто не подходил к терминалу?

– Больше не подходил... Меньше подходил... – выдал пациент.

Локхид и Лозе переглянулись.

– Кто меньше подходил к терминалу? – уточнил вопрос Локхид.

– Мальчик подходил... Быстро считает мальчик... Я боялся, думал всё сломает... Сломает всё! За сервер двести чарков отдал!.. – начал беспокоиться пациент, и на экранах заплясали его параметры.

Док сейчас же прикрутил подачу стимуляторов и сказал:

– У вас полминуты.

– Скажи, любезный, как зовут мальчика, который считал?

И кто он, откуда взялся?

– Мальчик-кадет... Марк...

Произнеся эти слова, пациент затрясся, и док стал срочно проводить какие-то аварийные мероприятия, а майор Локхид со своим заместителем покинули медбокс.

– Ну, это уже кое-что! – бодро произнёс Лозе.

– Да. Теперь нужно перевернуть все базы данных в городе, чтобы отыскать следы этого мальчика-кадета Марка.

Настроение Локхида улучшилось, ведь теперь он мог подать злодея одновременно с докладом о его преступлениях.

– Так, Сид, ты прямо сейчас поднимай наших киберов – пусть роют архивы. Через два часа у меня должна быть информация по этому парню. А я стану готовить операцию, нам

ведь нужно будет как-то выдёргивать его из хайтауна.

– Думаешь, он окажет сопротивление?

– Не в этом дело. Ты видел схему этих муравейников? Там столько параллельных переходов и лестниц, что начни мы действовать, он утечёт, как вода между пальцев.

Они зашли в лифт, и кабина стала подниматься.

– Кейн, я вот подумал – а если он не просто одиночка? Если он...

– Сто барабанов, что не одиночка. Ты правда думаешь, что просто какой-то пацан обладает продуманной и сложной технологией щёлкающей спецметки, как сладкие капучильони?

Кабина остановилась, и они вышли, по очереди кивнув вытянувшемуся сержанту из отдела обеспечения.

– Кейн, ты полагаешь, это могут быть происки «Вуазье компани»?

– О чём ты говоришь, Сид? Они, конечно, могут нам подгадить и даже по-крупному, но тут другой уровень, понимаешь?

– А какой тут уровень? – робко спросил Лозе. Он немного не поспевал за происходящими событиями, и ему требовалось время для понимания и должного осмысления.

– Какой уровень, ты спрашиваешь? – произнёс Локхид, останавливаясь перед дверью их совместной приёмной. – Стратегический!

Они вошли в приёмную, и Локхид уже взялся за ручку

двери своего кабинета, когда Лозе неожиданно спросил:

– Кейн, а вот эти спецметки в программных продуктах – они для чего?

– Это надсистема системы неявной статистики. Это когда сто терминалов с программным продуктом, оснащённым спецметками, не сообщают ни о чём, а вот тысяча – уже даёт кое-какие результаты. Ну, а десятки тысяч и сотни рисуют полную картину.

– Картину чего?

– Видимо, реальной ситуации. Неприукрашенной.

– Понятно, – сказал Лозе, хотя ничего не понял. Не понимал и сам начбез, он лишь повторял то, что втолковывалось им на семинарах, куда его и начбезов других регионов экономической зоны вывозили с целью повышения квалификации.

Ближе к обеду в гости к Фредди и Головину заглянул Изи Весёлый, занимавшийся доставкой таблеток, которые сам также потреблял в неизвестных количествах.

У него всегда блестели глаза, он всегда улыбался, и оттого его прозвали Весёлым.

Некогда Изи тоже был кадетом и даже ухитрился закончить навигаторскую школу, однако не получил назначения на службу, поскольку никакая медицинская комиссия не могла признать его нормальным.

Ему ничего не оставалось, как слегка изменить образ жизни и из чистого потребителя превратиться ещё и в поставщика. Однако вход в бизнес был делом нелёгким, и об этом периоде у Изи Весёлого в качестве напоминания остался «боксёрский нос», отчего он слегка гундосил.

– Чуваки, что у вас за дела в районе делаются? Легавых набежало, как на праздник! – сообщил он, пряча в карман деньги, которые получил за очередную партию таблеток для Фредди.

– Какие легавые, ты о чём? – уточнил Фредди.

– Я тут забегал к клиентам в первой башне, выбегаю, а там эти орки с автоматами и в латах! Прикиньте, чуваки, в латах, как в кино!..

Фредди с Головиным переглянулись. Они ещё не полно-

стью отошли после вчерашнего, а тут такие новости.

– Я значеца к вам побежал, так мне под зад бампером чуть не въехала ещё одна телега с легавыми! Прямо к вам! Ну, я быстрее в лифт, и фьюить! Хорошо, что твоя партия, Фредди, последней была и теперь у меня с собой ничего нет. А то бы стрёмно было обратно пробираться.

Вывалив все новости, гость поднялся со стула и добавил:

– Пойду, у меня ещё сегодня стык с оптовиком. Большой человек не любит, когда опаздывают.

Попрощавшись, Изи направился к выходу, но едва открыл дверь в коридор, как тут же получил такой удар, что пролетел всю маленькую прихожую, распахнул дверь в комнату Головина и там же грохнулся на пол.

Фредди и Головин вскочили со стульев, не зная, какие ужасы и предполагать, когда в тесную комнатку Фредди ворвались два огромных полицейских в латах, и один для пущей острастки полоснул по стенам из автомата, отчего с них обрушились огромные куски пластобетона.

Оба кадета упали на пол, прикрыв головы руками, а полицейские стали орать, чтобы все сдавались и что все окружены.

– Мы сдаёмся! – подал голос Фредди.

– И мы тоже! – с готовностью поддержал его Головин.

Следом за двумя штурмовиками в комнату вошёл офицер в красивой форме и, оглядев присыпанных пылью лежавших на полу кадетов, спросил:

– Кто из вас Марк Джулиан Головин?

Фредди молчал, и Головин молчал тоже. Где-то в нём ещё теплилась надежда, что если он не признается, то они просто уйдут. Однако полицейские знали, за кем пришли.

– Эй, это ты Головин? – спросили у Фредди, и ближайший к нему штурмовик ткнул его железным сапогом в бок.

– Я Головин, только не бейте! – воскликнул Марк, потому что не хотел получить по рёбрам железным ботинком.

– Встать! – рявкнул офицер, и Головин резко вскочил.

– Берите его и на выход, – приказал офицер, и тут в проёме двери показался Изи с разбитой физиономией.

– Эх, братцы, но старика-то зачем ударили? – с укоризной в голосе произнёс офицер.

– Я не старик, – прогнусавил Изи, – просто я зрело выгляжу.

– Зрелый – перезрелый, – подвёл итог офицер и, потеснив Изи, вышел из комнаты, а за ним, волоча Головина, словно тряпичную куклу, бочком протиснулись оба штурмовика.

– На чём спалились? – спросил Изи и вытер с лица кровь.

– Пока не знаю, – ответил Фредди. Если бы взяли их двоих, это было бы понятно, но почему одного только Марка?

Между тем в коридоре снова раздался топот, Изи едва успел отпрыгнуть в сторону, когда дверь опять распахнулась и в комнату Фредди ворвались трое в штатском, но с пистолетами наготове.

– Ты Марк Головин? – строго спросил один из них, наводя

на Фредди пистолет.

– Нет.

– А где он?

– Только что копы забрали...

– Я же говорил, надо было тормознуть их! – воскликнул другой из троицы.

– Заткнись, – буркнул первый. Потом выхватил тонкую рацию и скомандовал:

– Копов с арестантом перехватить!..

– Каких именно, сэр, они тут троих выволокли.

– Перехватывайте всех и выясняйте, кто там Марк Головин!

– Принято.

После этого трое в штатском быстро убрались, и Фредди перевёл дух, а Изи отклеился от стенки и сказал:

– Пойду, пока не поздно, а то и мне что-нибудь прилетит.

Головина подвели к микроавтобусу и, надев наручники, посадили между двумя другими задержанными – обоих Головин знал, и при встрече они здоровались.

Ему хотелось узнать, почему их арестовали, может быть, эти ребята знали больше, однако обстановка была такая, что не то что перекинуться парой слов – пошевелиться было невозможно.

Арестанты сидели на очень узком сиденье, спереди и позади них на ещё двух рядах сидений располагались по паре закованных в броню полицейских, а впереди – рядом с водителем, находился полицейский капитан в обычном мундире.

Помимо этого микроавтобуса, имелось охранение – один внедорожник, раскрашенный в цвета городской полиции, и небольшой броневик чёрного цвета.

Когда отъезжали от хайтауна, первым встал внедорожник, за ним микроавтобус и последним, прикрывая тылы, двигался броневик.

Окна в микроавтобусе были небольшими, и Головину мало что было видно. И едва он начал ориентироваться, в каком же направлении их везут, как неожиданно ехавший первым внедорожник полыхнул тормозными огнями, микроавтобус закрипел тормозной кинематикой, а потом даже сработала гравитационная подушка, иначе бы они врезались в

переднюю машину.

Оказалось, что улицу неожиданно перекрыли два чёрных внедорожника, из которых стали выпрыгивать бойцы в какой-то незнакомой Головину форме.

В свою очередь из полицейского внедорожника также стали выскакивать штурмовики в тяжёлой броне.

Они стали что-то кричать блокирующим проезд, кто-то выстрелил в воздух, и тогда у неизвестных в руках появились короткоствольные автоматы.

– Клинсман, что там за хрень?! – прокричал в рацию офицер.

– Коммерсанты, сэр! Требуют отдать какого-то Марка Головина!

Сидевшие рядом с Головиным арестанты удивлённо на него посмотрели, но сам он такой популярности не радовался.

– Так, Клинсман! Все по машинам и тараньте этих тварей, они нам не указ! У нас приказ начальника полиции всех арестантов доставить до места!..

Полицейские штурмовики погрузились обратно во внедорожник, и машина попыталась протаранить закрывавшие проезд машины.

Внедорожник ударил ещё раз, и Головин услышал скрежет автомобильных корпусов, однако преграда опять не поддалась, а противник забросил под днище полицейского внедорожника шумовую гранату.

Она так рванула, что видно было, как подпрыгнул атакованный автомобиль, и Головин невольно представил, как теперь чувствовали себя полицейские внутри него.

– Гольдштейн, разгони этих мерзавцев! – отдал по радиации офицер новую команду.

Позади взревел парогенерами броневик и, обойдя микроавтобус справа по тротуару, с разгону отбросил один из закрывающих проезд автомобилей, а затем ударил по второму так, что тот завалился на бок.

Полицейский внедорожник тотчас рванулся сквозь образовавшуюся брешь, за ним поспешил микроавтобус с арестантами, и последним снова встал броневик.

Опозоренный противник открыл огонь по непробиваемым бортам броневика, чтобы показать, что тоже что-то может, в ответ из башенки броневика вылетело несколько гранат со слезоточивым газом, и они разорвались с громкими хлопками, залив всю улицу разноцветными облаками.

Противник бросился бежать, а следом – и самые любопытные из зевак, до этого момента терпеливо следивших за происходящим.

Больше полицейский конвой никто не преследовал, и спустя десять минут он прибыл к зданию Управления полиции города.

Проехал через охраняемые ворота и остановился на просторной площадке, где уже стояли несколько микроавтобусов.

Из некоторых ещё выводили арестантов в наручниках, другие уже были пусты.

Дошла очередь до Головина и двух других кадетов. Их вытащили из микроавтобуса и повели в один из отдельно стоящих корпусов. При этом Головин рассмотрел повреждения на полицейском внедорожнике и следы от пуль на боках броневика.

Не зная, чего ожидать дальше, он стал приглядываться к окружавшим его полицейским, надеясь увидеть приветливое лицо, чтобы поинтересоваться, за что его взяли.

Вскоре всех задержанных собрали в большом зале, где Головин насчитал около полусотни людей в наручниках.

Их рассадили с интервалом в пару кресел, видимо, чтобы они не общались. Между тем перед передними рядами за высокой кафедрой сидел человек в судейской мантии и с ним ещё несколько помощников и судейских секретарей.

Полицейские офицеры были неподалёку от них и время от времени негромко отвечали на какие-то возникшие у судейских секретарей вопросы. Кафедра была завалена документами и планшетами, подключёнными к множеству архивных баз.

Головин заметил, что сопровождавший их полицейский капитан подошёл к полному коллеге с золотыми погонами и стал доверительно, почти что на ухо докладывать о какой-то лаконичной проблеме.

– Сэр, мы столкнулись с большими трудностями, когда

доставляли задержанных, – сообщил капитан, и полковник слегка отстранился.

– Чего ты мне на ухо шепчешь?

– Сэр, дело дошло до стрельбы...

– Какой ещё стрельбы? Было оказано сопротивление?

– «Коммерсанты», сэр. Они заблокировали нам проезд и с оружием в руках требовали отдать им Марка Головина.

– А кто это?

– Один из задержанных.

– Бред какой-то, – произнёс полковник, окидывая взглядом собравшихся в зале нарушителей лицензионного права.

Поскольку пострадавшей стороной являлась Генеральная компания, все задержанные после краткого судебного разбирательства передавались для доследования службе безопасности компании. Чего же ради они лезли раньше времени?

– Стрельба, говоришь?

– Так точно, сэр. Вначале наши дали выстрел в воздух, чтобы разблокировали нам дорогу. Я выполнял ваши приказы и не был готов к каким-то переговорам.

– Всё правильно, капитан. Что дальше?

– Они угрожали оружием, и я приказал таранить их машины. Пришлось пускать в ход тяжёлый броневик, он прекрасно справился, а они посбивали с его бортов краску – открыли огонь прямо по полицейскому транспортному средству.

– А вы что?

– Саданули напоследок газовыми гранатами.

– А вот это правильно. Я, конечно, узнаю у майора Локхиды, чего они там все вместе нажрались, но пока что считаю ваши действия правильными.

– И ещё, сэр, они взорвали под головной машиной силовую шашку. Один сотрудник частично контужен.

– Вот уроды, – покачал головой полковник, – а что за арестант им потребовался так срочно? Как-то это странно всё выглядит.

– Марк Головин, сэр. Вон он сидит, в четвёртом ряду, расстрепанный такой.

– А чего он какой-то пыльный?

– Ах это... У него в комнате было очень пыльно. Возможно, делают ремонт, – слегка запинаясь, начал придумывать капитан, которому не хотелось сообщать, что стрельбу они начали ещё в кадетском общежитии, ведь это выглядело не совсем профессионально.

– Послушай, капитан, а тебе не кажется, что он немного похож на государственного представителя Джорджа Липмана, а?

– Ну, так-то вроде что-то есть. А у представителя есть сын?

– У него есть племянник. И он где-то учится. Не хотелось бы вляпаться в такую историю, ведь госпредставитель – это... Сам понимаешь.

– Могу быстро выяснить, сэр. Сейчас метнусь в архивный центр и получу по Липману всю информацию.

– Прошу тишины! – громко произнёс один из судейских секретарей, и гул в зале начал стихать. Полицейские встали у стен ровнее, а арестанты перестали дремать.

– Погоди, – пониженным голосом произнёс полковник, – может, и не на Липмана он похож, а на кого-то другого. Мы так можем все варианты перепроверить, а всё равно окажется сыном какого-то ответственного лица, и нам прилетит по заднице. Давай вот что, после суда всех повезут в управление к «коммерсантам» – передавать согласно договорённости, так вы этого отвезите обратно в общежитие. Штраф ему вставят, ну и будет с него, тогда это станет ответственностью судейских.

– Отличная мысль, сэр, я так и сделаю.

Наконец, когда судья начал зачитывать основной билль о лицензированном праве, Головин стал понимать, зачем его сюда притащили. А потом появились и подробности.

Оказалось, что вскоре после того как Головину удалось опробовать свою ботиночную ломаную лицензию, к проверочной программе лицензирования пришло очередное обновление. Оно позволило закрыть окно, через которое взламывали лицензию, а также выявить всех, кто этим окном уже воспользовался. Таким образом, Головина признали нарушителем.

Судья бойко зачитывал фамилии, и названные арестанты должны были привстать, показывая, что они здесь. Адвокат был всего один на всю толпу, и до конца судебного заседания он не произнёс ни слова, лишь подписав в конце поданный ему документ.

Всех задержанных объявили преступниками и выписали штраф в тысячу пятьсот квадров – примерно то же получалось и в чаках.

Мало того, судья от себя добавил, что после доследования в управлении безопасности Генеральной компании всех, кто попался, гарантированно вышлют из экономической зоны.

По рядам задержанных прошёл гул негодования. Головин также был подавлен этой новостью. Значит, два с половиной

года учёбы выбросить? А где искать работу? Как жить там – за забором экономической зоны? И что скажут его родители?

Немного грела спасительная мысль, что у него была какая-то сумма на чёрный день. Даже если заплатить штраф, останется не так уж мало. Но всё равно Головин чувствовал внутри себя какую-то пустоту и полное безразличие.

Наконец, всех стали выводить во двор и усаживать в большой автобус, однако возле самой двери Головина неожиданно взял за локоть уже знакомый капитан и, отведя его в сторону, снял с него наручники и посадил в тот же микроавтобус, но уже одного, при тех же четырёх штурмовиках в броне.

– И куда меня? – спросил Головин, поглядывая на других задержанных, которых продолжали грузить в автобус.

– Домой, парень, – сказал офицер и улыбнулся.

Микроавтобус тронулся и поехал к воротам, а когда оказался за пределами двора, офицер повернулся и неожиданно спросил:

– Хочешь конфету?

– Хочу, – сказал Головин и получил настоящую «синтетик-фрут» с быстрорастворимым чипом управления вкусовыми рецепторами.

Такие конфеты стоили немалых денег, в то время как более дешёвые копии растворялись быстрее, чем сам чип, и их приходилось либо догрызать, либо попросту выплёвывать. Но Головин обычно догрызал, ведь всё это стоило денег.

Спустя два с половиной часа Головин появился на пороге своего жилого блока. Открыв дверь, он вошёл в крохотную прихожую и увидел Фредди, который ползал по полу, развозя пучком влажных салфеток остатки пластобетонной пыли.

Услышав стук двери, Фредди повернулся и воскликнул:

– Марк, это ты, что ли?

Бросив салфетки, он поднялся и, подойдя к соседу, обнял его. Головин был удивлён, Фредди никогда не был склонен к сентиментальности, но теперь в его глазах стояли слёзы.

– Слушай, я... – он развёл руками. – Я думал, тебе как-то, и уже сам готовился к приходу копов – теперь за мной. Что сказали и почему отпустили? Тебя ведь отпустили или ты «ноги сделал»? Да ты садись, я сейчас чучу сварганю, не бойся – слабенькую, чисто чтобы поддержать разговор.

Фредди засуетился, ставя в самодельный индуктор пластиковую баночку с самогонной водой.

– Ниоткуда я не сбегал, Фредди. Нас там набралось с полсотни залётчиков, потом всем присудили по полторы тысячи штрафа, и судья ещё добавил, что потом всех выбросят из зоны на мороз...

– Ничего себе? И потом всех отпустили?

– Нет, после суда всех затолкали в автобус, как были в наручниках, а меня, прикинь, отвели в сторону, сняли наруч-

ники и под охраной вернули на крыльцо нашего хайтауна.

– И как ты это объясняешь? – спросил Фредди. В этот момент закипела самогонная вода, Фредди бросил туда синюю и белую таблетки и любовно перемешал большим гвоздём, который использовал как столовый прибор.

– Сейчас чуть постоит, и примем по маленькой, – пообещал он, – сам-то я хотел по-серьёзному закинуться. Думаю, придут братья, а мне будет пофигу. Но вот тут ты вернулся, чудеса.

Фредди опустился на свой трёхногий стул и, положив руки на колени, приготовился слушать.

– Тут один момент произошёл, когда нас в полицию везли. Дорогу перегородили какие-то частные военные, наша охрана выскочила, стала стрелять в воздух, потом машины толкались, и, в конце концов, копы победили, сбросив ихние тачки на бок с помощью броневика.

– Пряма война!

– А то! Те потом по броневику даже стреляли, я слышал, как пули по нему барабанили. Страх, одним словом, но самое странное, я даже не испугался, а прямо одеревенел. Эти частные военные требовали, чтобы им отдали меня.

Фредди кивнул, казалось, он совсем не разделяет удивление Головина.

– Тебе не кажется это странным?

– Теперь уже не кажется, Марк. Едва тебя увели, сюда вломились другие парни с пистолетами. Стали орать и угрожать,

требовали Марка Головина. Я сказал, тебя копы забрали, они и умелись. Такие дела.

Приятели посидели ещё с полминуты молча, каждый думая о своём.

– Эй, а чего же мы загрустили? – произнёс вдруг Фредди и, поднявшись, снял с полки два мутных стакана, в которые разлил чучу. А потом, обжигаясь, сразу выпил полстакана.

Головин сделал только небольшой глоток.

– Ой, как по жилам побежало! – обрадованно сообщил Фредди. – Я даже вспомнил вот ещё что – тебе на диспикер вызов приходил! Из-за забора! Я побежал, ответил. Тётка какая-то тебя спрашивала. А тебя как раз увели только что, ну я и не стал ничего рассказывать, сам ничего не знаю, поэтому сказал, что ты ушёл куда-то и пусть перезвонят позже.

– Из-за забора, так там, небось, мне денег насчитают! – забеспокоился Головин.

– Не насчитают, звонок был за счёт вызывающего абонента. Ты забыл, что я сам тебе эту фичу на диспикер пропикивал?

– Ах да, точно, совсем забыл, – кивнул Головин, – не представляю, кто мог позвонить. Родители пишут мне через «армптекст», так дешевле всего.

В этот момент из комнаты Головина послышался сигнал диспикера.

– О, это, наверное, то самое! – воскликнул Фредди и стал торопливо допивать чучу, словно ему нужно было срочно

уходить.

Головин вскочил и, выбежав к себе, схватил со стола мигающий диспикер.

– Алё, Маркуша-детка, я тебя сразу узнала!.. – зазвенел в трубке чей-то пронзительный голос.

– Кто это? – спросил Головин.

– Ну, как же ты не узнаёшь свою тётю Элли? – в голосе послышалась обида.

– А, тётя Элли! Это так неожиданно! А почему вы звоните, что-то случилось?

– Ничего такого не случилось, если не считать, что полгода назад я снова вышла замуж.

– А, поздравляю, – сказал Головин. Тётя Элли практически коллекционировала мужей, и в её коллекции их было уже, наверное, с полдюжины.

– Но это так, к слову. На самом деле, Маркуша, я тебе звоню вот по какому вопросу – я с твоими родителями всё обсудила, и они не против, если что.

– О чём вы говорите, тётя Элли?

– Маркуша, детка, я ещё тогда говорила твоей маме, что тебе не место в этой курсантской школе или как там это у вас называется. Ты хорошо рисовал, тебе нужно было идти в художественную школу, у меня ведь тогда там были хорошие связи. Мой тогдашний муж Горан, если ты помнишь, был довольно заметной фигурой в среде почитателей искусства.

– Я совсем запутался, тётя Элли, зачем вы мне позвонили?

– Экий ты недогадливый, Маркуша. Я нашла тебе хорошее место. Помощником одного состоятельного человека. Это на Манговезии, всего в сорока часах лёту из вашей пустыни. Деточка, я прошу тебя, не отказывайся, такие предложения бывают раз в жизни.

– А что за работа, что там делать? – спросил Головин, чтобы просто спросить. Он пока туго соображал.

– Деточка, я как только сказала мистеру Кейвену, что у меня племянник учится в курсантской школе, но пока без перспектив, он сразу сказал, что если парень толковый, а ты же толковый, он возьмёт тебя помощником. Но решение нужно принимать сразу. Если ты согласен, скажи мне, и я подготовлю весь пакет проездных документов.

– А когда нужен ответ? – начал понемногу вникать в тему Головин.

– Лучше прямо сейчас, но можешь подумать в течение трёх часов. Больше нельзя, у них там закрываются какие-то учётные часы, я в этом не очень понимаю, и тогда всё отложится на неделю, а за это время, боюсь, они подыщут себе другого человека. У тебя на аудискане останутся открытыми все ссылки, надумаешь – сделай вызов, и всё закрутится.

– Хорошо, тётя Элли, я подумаю.

– Маркуша-детка, я всегда хотела как-то помочь Луизе, но ты же её знаешь, отвергает любую помощь со стороны, но тут я не отступлюсь, я ей так и сказала, я хочу своему племяннику безбедное будущее. Ну всё, закругляюсь, уже машина

подъехала. Думай, Маркуша, твоя тётя желает тебе только хорошего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.